

The cover features a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a large, gnarled tree trunk with intricate, glowing blue and white patterns dominates the right side. Below it, a path of snow leads to a small wooden cabin nestled among a dense forest of evergreen trees. The scene is lit from above, creating a stark contrast between the dark shadows and the bright highlights on the snow and the glowing tree.

18+

Я ДОЛЖНА
СПУСТИТЬСЯ С ЭТОЙ ГОРЫ
И ОСТАВИТЬ МОНСТРОВ
ПОЗАДИ.

КОСТЬ ОТ КОСТЕЙ

КРИСТИНА ГЕНРИ

ЗЛЫЕ СКАЗКИ КРИСТИНЫ ГЕНРИ

Злые сказки Кристины Генри

Кристина Генри

Кость от костей

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Генри К.

Кость от костей / К. Генри — «Издательство АСТ»,
2021 — (Злые сказки Кристины Генри)

ISBN 978-5-17-135925-6

Мэтти и ее муж Уильям ведут уединенную жизнь в лесу на вершине горы — кажется, они надежно спрятались от всего мира. Но когда Мэтти обнаруживает изувеченный труп лисы, молодая женщина понимает, что гора стала домом не только для них. В лесу появился кто-то еще — монстр с острыми клыками и когтями, огромный и неуловимый... Уильям считает, что это демон, посланный Богом, чтобы испытать его. Мэтти не должна перечить мужу, иначе ее ждут проблемы. Но кого же ей стоит бояться сильнее — чудовища, явившегося словно из преисподней, или человека, которого она знает всю жизнь?

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135925-6

© Генри К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кристина Генри Кость от костей

Christina Henry
NEAR THE BONE

Печатается с разрешения Nova Littera SIA.
Перевод с английского Юлии Змеевой
Русификация обложки Екатерины Климовой

Text copyright © 2021 by Tina Raffaele
© Ю. Змеева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

На дороге лежала мертвая лисица.

Сначала Мэтти заметила лишь алую полосу на свежем снегу и решила, что какой-то хищник стащил кролика из капкана, который она пришла проверить. Потом она увидела рыжий мех в крови и рану в брюхе, нанесенную чем-то острым. Внутренности вывалились на снег, и, несмотря на холод, в воздухе висел резкий запах недавно совершенного убийства.

Животных, которые едят лис, не так уж много: медведь мог бы сделать такое, медведи всеядны. Пума, может быть, еще орел, но обычно животные не убивают других животных, чтобы бросить тех на дороге, не отведав ни кусочка. Так поступает только одно животное – человек. Но люди на горе не водились; кроме Мэтти и Уильяма, тут не было никого.

Мэтти присела на корточки, чтобы получше рассмотреть лису, но не увидела ни следов, ни отпечатков когтей, которые могли бы послужить подсказкой. Встав, она смахнула с плотной шерстяной юбки снег и на миг застыла в нерешительности.

Не пойти ли назад, не рассказать ли Уильяму о лисе? Нет, сначала надо проверить капканы. Ведь за этим он и послал ее вниз по ручью, и если она не сделает как велено, то заплатится.

Мэтти обошла лису и снова остановилась. В снегу рядом с тушкой виднелся странный след. Она не могла понять чей. Это мог быть след медведя, но таких крупных медведей Мэтти еще не видела: вдвое больше самого громадного гризли в округе. Кажется, это был отпечаток задней лапы: она различила закругленную пятку и пять подушечек под пальцами. Но следы от когтей... Похоже, когти этого зверя были намного длиннее обычного и глубоко уходили в снег. Судя по размеру отпечатка, это самый большой медведь на свете, подумала Мэтти.

Она осмотрела тропу, искала другие следы. Дорожку, по которой Мэтти пришла, проложил не человек, а олени. По обе стороны высились горные сосны и росли голые кусты. Она увидела еще один след – тоже задней лапы, на некотором отдалении от первого. И это было странно: медведь словно шел на задних лапах, как человек. Медведи встают на задние лапы, но ненадолго, и обычно делают это, чтобы напугать другое животное или человека.

Мэтти покачала головой. Пожалуй, не ее это забота. Она будто бы слышала за спиной голос Уильяма: «Ступай своей дорогой, мышка Мэтти. Не твое это дело. Ты слишком любопытна».

И правда, надо скорее проверить капканы, пока Уильям сам не пришел выяснять, почему она возится так долго.

Мэтти двинулась дальше, пиная ботинками мелкий рассыпчатый снег. Зима еще толком не настала, вообще-то лето только закончилось, но уже несколько дней подряд шел снег и стояли необычные для этого времени холода. Уильям боялся, что, если зима выдастся суровой, еды может не хватить. Звери залягут в спячку, и поди их отыщи.

Вот Мэтти и задумалась – зачем этот гризли бросил свежее мясо на дороге? В это время года медведи готовились к зиме. И те, что еще не улеглись в спячку, не упустили бы возможности набрать зимний жирок. Если бы гризли хотел оставить добычу на потом, он бы ее припрятал, хотя что там припрятывать – мяса на один укус.

Надо перестать об этом думать, решила она. Уильям ждет.

В кустах у ручья они расставили три капкана. Добыча попалась во все; значит, на ужин будет кроличье рагу с морковкой и картошкой. Уильям порадует.

Мэтти сложила кроликов в холщовый мешок, осторожно переустановила капканы и зашагала обратно к хижине. С неба посыпались снежинки, и Мэтти, высунув язык, поймала одну из них...

(Они с Хезер держатся за руки, запрокинув головы, и ловят снежинки наперегонки, а ресницы их припорошены снегом...)

Нет. Об этом думать нельзя. То был всего лишь сон. Сколько раз Уильям говорил, что она все это выдумала, что он слышать эту чушь не желает.

Хватит думать о сне, о странном впечатке медвежьей лапы и мертвой лисице. Надо спешить домой с кроликами; там ее ждет муж. Она должна быть хорошей женой.

Увидев мертвую лисицу снова по пути назад, Мэтти осторожно обогнула ее и следы на снегу. Уильям наверняка захочет прийти и взглянуть на них, но она, Мэтти, больше думать об этом не станет. Не станет думать, как это странно, ведь муж велел ей не размышлять обо всякой ерунде и ему бы точно не понравилось, узнай он, что она тревожится из-за какой-то лисы.

Мэтти выбежала на поляну и увидела Уильяма; тот стоял у хижины и рубил дрова.

Поляна была большая; на ней умещался их двухкомнатный домик, сарай для припасов, уличный туалет и небольшой садик, цветущий летом. Уильям вырубил лишние деревья и освободил метров пять пространства между хижинкой и лесом. Мол, чтобы никто не подобрался к дому незамеченным.

Муж Мэтти был крепким рослым мужчиной, почти на две головы выше ее, с широкими плечами и крупными руками и ступнями. Волосы у него были темные, с проседью, а глаза – голубее льда на дне замерзшего ручья. Уильям стоял к ней спиной, но, будто почуяв ее, тут же обернулся, когда женщина вышла на поляну. В руке он держал тяжелый деревянный топор.

Мэтти шла к нему, а он молчал и ждал ее с вопросительным и нетерпеливым выражением лица, по которому она сразу догадалась, что сделала что-то не так.

– Я наткнулась на мертвую лису, – сказала она в свое оправдание. – Но во все капканы попались кролики.

Мэтти решила, что предвкушение сытного ужина отвлечет мужа, но ошиблась.

– Зачем ты возилась с какой-то лисой? – спросил он. – Я же велел проверить капканы и сразу возвращаться.

Мэтти закусил губу. Это была ловушка. Если она не ответит, Уильям рассердится. Попытается объяснить – тоже рассердится.

– Так что?

Надо хотя бы попытаться объяснить, подумала она. Может, в этот раз муж поймет.

– Кто-то убил лису и бросил ее там, – проговорила Мэтти.

Он прищурился.

– Какой-то человек? В лесу?

– Нет, нет, – поспешно ответила она.

Мэтти знала, как старательно Уильям скрывает местонахождение их дома от всех и как расстраивается при малейшем подозрении, что рядом были люди.

– Там остался след, похожий на медвежий; вот только я таких больших медведей в жизни не встречала.

Уильям перестал сжимать челюсти. Он, кажется, обрадовался, что это был не человек.

Увидев, как муж слегка расслабился, Мэтти тоже расслабилась, и зря – оказалась не готова, когда он бросил топор на снег и занес кулак.

Искры посыпались из глаз; вкус крови окутал язык. Стало холодно.

«Ты сидишь на снегу, вставай, а то юбка промокнет», – подумала она.

– Забыла правило? Найдешь что-то необычное – сразу возвращайся домой.

Уильям, казалось, совсем не злился, но он всегда говорил спокойно. Никогда не кричал; ничто никогда не предвещало удара.

– Я решила сначала проверить капканы, – пролепетала Мэтти.

Она знала, что нужно встать, но пока она сидела на земле, до нее было труднее дотянуться.

– Вот в чем твоя проблема, Марта...

Муж назвал ее полным именем, а это не предвещало ничего хорошего.

– Ты ничего решать не должна.

– Да, извини, – пробормотала Мэтти.

Он сверлил жену взглядом, словно прикидывая, достаточно ли наказал ее за проступок.

– Отнеси кроликов в дом и освежуй, – велел Уильям. – Когда закончишь, сходим к этой мертвой лисе.

– Да, – ответила она, вставая со снега.

Чулки намокли чуть выше ботинок. Ей бы переодеться, но если муж зайдет с дровами и увидит, что она занимается чем-то другим, а не кроликами, жди беды.

С напряженными плечами Мэтти поспешила к двери хижины и сумела выдохнуть, лишь когда услышала свист и удар топора. Значит, Уильям не пошел за ней следом.

Она сняла ботинки, поставила их в прихожей и принялась свежевать и разделявать кроликов, чтобы после их приготовить. Кролики попались маленькие, работы было немного, но Мэтти знала: муж ждет, что она управится очень быстро.

Только не разозли его снова. Делай, что велено.

Но она снова отвлеклась, как с ней часто бывало; мысли начали блуждать, и Мэтти пришлось одернуть себя, чтобы Уильям не застал ее за витанием в облаках. Руки ловко разделявали кроликов, но мысли улетали туда, где им находиться было запрещено.

Вошел муж и окликнул ее с порога:

– Готово?

Мэтти знала, что он не хочет снимать заснеженные сапоги, чтобы потом опять их надевать. И не потому, что жене пришлось бы вытирать воду с пола, а потому, что ему было лень возиться со шнурками.

– Почти! – крикнула она в ответ.

– Не копайся там, – сказал Уильям и снова захлопнул дверь.

На самом деле Мэтти уже закончила, но хотела урвать лишнюю минутку, чтобы умыться и собраться с духом. Она снова думала о том сне – сне, в котором слышала песню (*что-то про голубя или голубку; есть такие большие черные штуки, и из них льется музыка, которая хранится на таком серебристом диске, но... это же глупость какая-то. Одно слово – сон, как Уильям всегда и говорил*).

Ее муж считал, что музыку слушают только грешники, и, с тех пор как стала с ним жить, она ни разу не слушала музыку.

Мэтти опустила руки в таз, наполненный холодной водой, оттерла кровь, пытаясь стереть и воспоминания о сне. Уильям словно чуял, когда она думала о сне, как будто тот оставлял после себя запах. А сегодня муж и так злится. Если она выйдет на улицу с затуманенными сном глазами, он рассердится еще сильнее.

Через несколько минут, запахнув пальто и надев варежки и ботинки, Мэтти вышла на улицу. Уильям держал в руках винтовку.

– Веди, – сказал он.

Мэтти проводила его на оленью тропу. Уильям не любил, когда жена ступала впереди, и она старалась не опережать его. На снегу остались ее следы. С тех пор как Мэтти вернулась домой, прошел лишь легкий снег.

Труп лисицы обступили вороны и клевали свежее мясо. Уильям отогнал их; они громко закаркали и улетели.

Мэтти встала за спиной мужа, чуть в стороне, чтобы видеть его лицо. Она терпеть не могла неожиданных перемен в его настроении. Сейчас Уильям вполне мог решить, что она зря притащила его сюда, зря рассказала про лису, и, наложившись на его прежнее настроение, это могло спровоцировать приступ ярости, и ей тогда не поздоровится.

Порой Мэтти недоумевала, зачем Уильям на ней женился, зачем выбрал ее, ведь он все время к ней цеплялся. Он мог бы выбрать другую, ту, которая обладала бы всеми нужными качествами, была бы менее любопытной и более послушной.

Мэтти пристально наблюдала за мужем, пока тот осматривал землю вокруг лисы. Он увидел отпечаток лапы, и глаза его расширились.

– Видела еще следы?

Она указала в кусты справа от тропы:

– Там.

Уильям подошел взглянуть поближе, и лишь тогда Мэтти заметила, что кусты сломаны, словно сквозь них пролез крупный зверь. На одном из деревьев виднелись глубокие и длинные царапины – следы когтей, словно зверь провел лапой по коре, проходя мимо. Уильям потрогал отметины; лицо его было задумчивым.

– Если это гризли, таких огромных я еще не видел, – сказал он. – Интересно, откуда он взялся. Такому гиганту нужно много дичи.

Тут Мэтти вспомнила, как редко в последнее время им попадалась добыча. Они с Уильямом списали это на ранние заморозки. Но, возможно, дело было в другом. Может, этот медведь, этот лесной монстр сожрал всех лосей и оленей, которых муж надеялся убить и развесить в сарае на зиму.

– Надеюсь, он уже ушел из наших краев, – сказал Уильям. – Судя по следам, он направился вниз. Завидую счастливицу, который его пристрелит и попадет в газеты, а уж какая шкура ему достанется. Такой ни у кого нет.

Мэтти подумала, что, даже если кто-то и застрелит медведя, она никогда не узнает имени этого смельчака. Ей разрешалось читать только Библию. В редких случаях, когда Уильям ездил в город и привозил газету, он запирали ее в сундуке. Мэтти было запрещено находиться в спальне, когда он открывал сундук, а ключ муж держал на кольце, которое всегда носил с собой. На этом же кольце висели ключи от хижины и сарая и еще два незнакомых. Мэтти не знала, что они открывают. Однажды она спросила об этом Уильяма, получила два синяка под глазами и больше никогда ключами не интересовалась.

– Но в таком большом звере много мяса, – задумчиво продолжал муж. – На этом мясе можно всю зиму провести.

«Если сможешь его убить и остаться в живых», – подумала Мэтти.

Уильям покосился на нее, и уже не впервые она заподозрила, что он слышит ее мысли.

– Сомневаешься, что мне по силам его убить? – спросил он, и в его глазах-льдинках блеснуло что-то, что можно было бы назвать искрами смеха, если бы это был не Уильям, а кто-то другой. – Что ж, в этот раз ты, возможно, права, Мэтти. С таким оружием на большого зверя не ходят.

Он указал на винтовку, с которой охотился на оленей.

– Но может, зверь ушел, как ты говорил, – осторожно заметила Мэтти. – Спустился к подножью горы.

Муж взглянул на нее и снова повернулся к отпечаткам когтей.

– Надеюсь, так оно и есть. Но если медведь еще здесь, не стоит тебе бродить по лесу одной. Не отходи от меня.

Он продрался сквозь сломанный кустарник, ожидая, что Мэтти пойдет следом. Та и пошла, аккуратно приподняв юбки, чтобы те не зацепились за сломанные ветки.

Уильям шагал вперед, не замедляясь, и Мэтти поспешила за ним.

– Вот, смотри. – Он указал на еще один след на снегу. – Не медведь, а какое-то чудовище лесное. Оно что, ходит только на задних лапах?

Мэтти не ответила. Знала, что отвечать не надо.

Они долго шли по следу. И с каждым шагом Мэтти все сильнее волновалась. Ей нельзя было спускаться с горы, она ходила лишь вокруг хижины и туда, куда разрешал Уильям. И даже это он позволил ей не сразу; сначала ей вообще никуда нельзя было ходить без него, даже в туалет.

Лес везде выглядел одинаково, но Мэтти все же чувствовала, что очутилась в новом, запретном месте.

Через некоторое время она снова замечталась, как часто с ней бывало; ей послышалась мелодия песни из сна, но она не могла разобрать слова. Если бы она знала слова, то вспомнила бы весь сон целиком: одна его часть всегда оставалась в тумане и была недосыгаемой.

Вдруг Уильям остановился; к счастью, Мэтти вовремя это заметила и очнулась от грез, прежде чем в него врезаться.

– И куда он делся? – спросил мужчина. – Здесь следы обрываются.

Они стояли на небольшой поляне, словно хороводом фей окруженной высокими соснами.

(Но откуда я знаю, как выглядит хоровод фей? Но нет же, знаю; это Хезер сказала, сидя на корточках в траве и показывая на грибы, – смотри, здесь феи водят хоровод, сказала она.)

Уильям ненадолго замер, оглядываясь по сторонам, но на поляне лежал чистый снег – и никаких больше следов.

– Не понимаю. Он улетел?

– Может, мы не туда пошли, – неуверенно произнесла Мэтти.

– На краю этой поляны есть след, и он ведет сюда, – сказал Уильям. – Я не дурак, Мэтти, в отличие от тебя.

– Да, – пробормотала она.

Сердце ее забилось быстрее; муж всегда поправлял ее, когда она ошибалась, иначе быть не могло.

Но в тот момент Уильяма гораздо больше интересовала загадка необычного медведя. Он продолжил осматривать местность, чтобы ничего не упустить.

Мэтти попятилась и ушла с поляны, наступая на свои следы. Дошла до последнего медвежьего отпечатка. Это был отпечаток задней лапы; как странно, что они не увидели ни одного следа от передней. Зверь явно вел себя не так, как все медведи, которых видела Мэтти.

Она осмотрела деревья, окружавшие поляну.

– Смотри! – сказала Мэтти и указала на царапины высоко на стволе одного из деревьев.

Уильям подошел, встал рядом, взглянул туда, куда показывала жена. Они вгляделись вверх, в густую завесу сосновых игл. Мэтти отчасти ожидала увидеть на верхней ветке спящего медведя, но его, разумеется, там не оказалось. Что за глупая мысль! Медведь, оставляющий такие огромные следы, слишком тяжел, чтобы спать на ветке.

Уильям проверял соседние деревья, искал следы зверя.

– Ничего нет, – сказал он и, кажется, принял решение. – Ладно, хватит заниматься ерундой. У нас полно работы.

Значит, он решил, что Мэтти зря потратила его время, рассказав о лисе, и случись ей сегодня ошибиться еще хоть раз, выполняя обязанности по дому, она поплатится.

Мэтти вспомнила свою корзинку с шитьем и одежду Уильяма, которую надо было заштопать, и сердце сжалось от легкой тревоги. Шитье давалось ей непросто. Стежки получались аккуратными, но она долго возилась. Уильям винил в этом ее мать, которая, по его словам, так и не научила дочь всему, что должна уметь нормальная женщина, и теперь учить приходилось ему.

Когда они только поженились, Уильям подарил ей старые книги с выкройками. Края страниц пожелтели и обтрепались. Тщательно следуя инструкциям, Мэтти постепенно научи-

лась шить и штопать. Долгими вечерами она сидела, сгорбившись над отрезами ткани; кончики пальцев саднили и кровоточили, а Уильям наблюдал за ней в неровном свете свечи.

Муж всегда наблюдал, даже когда ей казалось, что он не смотрит.

Они направились обратно к хижине, ступая по своим следам. Уильям ссутулился, и Мэтти поняла, что он сердится. Он не смог разгадать тайну следов и теперь думал о том, сколько времени они потратили на это бесплодное занятие.

«И все из-за меня, – расстроено подумала Мэтти. – Может, зря я ему про лису сказала. Но если бы не сказала, он упрекнул бы меня в том, что я слишком долго проверяла капканы».

Что бы Мэтти ни сказала, всегда выходило не то. Всегда. Оставалось лишь грызть себя, как беспокойный маленький бурундук.

Вдруг странное рычание сотрясло тишину.

Не рев медведя, не рык пумы и не крик орла, а наводящее ужас сочетание всех трех этих звуков, к которым примешивался еще один, почти – но не совсем – человеческий.

Лишь тогда Мэтти поняла, что с тех пор, как Уильям отогнал ворон от трупа лисы, они не слышали ни звука, кроме собственных голосов. Ни птичьих криков, ни шороха грызунов, рыщущих в поисках последнего орешка на зиму. Ни треска упавшей ветки, ни шепота ветра.

Лес замер в ожидании, а они с Уильямом вломились в него, как два неуклюжих быка. Тогда она почувствовала на себе взгляды: взгляды деревьев, птиц, белок и кроликов, их глаза с жалостью взирали на двух глупых людишек, забредших на их территорию.

Рычание раздалось снова. Отозвалось эхом, отразилось от стволов, и невозможно было определить, откуда оно исходит.

– Уильям, надо торопиться, – сказала Мэтти и потянула его за рукав. – Зря мы сюда забрели.

Когда рычание послышалось впервые, муж остановился, тело его напряглось, готовое броситься на добычу. Он высматривал жертву. Теперь же он смахнул руку Мэтти, забыв даже о том, что нужно ее ударить, ведь она посмела указывать ему, как поступить. За подобное ее всегда наказывали.

– Тихо, – проговорил Уильям почти шепотом. – Отойди подальше, чтобы я смог прицелиться.

Значит, он хочет попытаться его убить, этого зверя, кем бы он ни был, а Мэтти не сомневалась, что это был не медведь. Медведи так не рычали. И не вели себя так, как вел этот зверь, оставивший следы. Но если это не медведь, то кто?

Кем бы ни было это животное, у Уильяма ничего не получится, считала она. Слишком большой зверь, такого из винтовки не застрелишь; даже Мэтти это понимала, глядя на след на снегу – даже она, с ее-то куриными мозгами.

Она похолодела от страха. Что будет с ней, если Уильям погибнет? Останется одна на горе. Мэтти не представляла, как добраться до ближайшего города, и с тех пор, как они здесь поселились, не отходила от хижины.

Уильям отступил на несколько шагов, поднял винтовку и упер ее в плечо.

– Он где-то там, впереди. Стой за мной.

Мэтти кивнула. Губы и язык онемели, но не от холода, а от страха. Тело дрожало под пальто.

Господи, пусть с ним ничего не случится. Не дай мне остаться одной.

Тут она поняла, что если гигантский медведь прикончит Уильяма, то ей тоже не спастись.

Облегчение разлилось по телу теплой волной. Не будет больше бесплодных попыток все сделать правильно. Не будет вопросов без ответов. Не будет снов. И боли тоже не будет.

Мэтти ступала по следам Уильяма. Она успокоилась. Что бы ни случилось, на все воля Божья; ведь по воле Божьей Уильям выбрал ее.

Впереди затрещали ветки, несколько веток, сломавшихся друг за другом, – хруп, хруп, хруп.

Мэтти бросила взгляд через плечо, как будто ожидая увидеть там зверя, упавшего с неба и нависшего над ними. Но позади никого не было, и впереди тоже; по крайней мере, они никого не увидели.

Прижав к плечу винтовку, Уильям крадучись шел вперед еще несколько минут, а потом в третий раз за день резко остановился, и тут уж Мэтти в него врезалась. Но муж был слишком сосредоточен и не стал ее ругать.

– О боже, что это? – выпалил он.

Мэтти выглянула из-за его спины и ахнула.

Алая лужа крови растеклась на белом снегу. Здесь убили очень крупное животное, и убили совсем недавно. Однако от жертвы ничего не осталось, и никаких следов хищника тоже не было. На тропе виднелись только их следы.

– Бессмыслица какая-то, – пробормотал Уильям.

Мэтти запрокинула голову, увидела сломанные ветки в вышине и подумала: никакая это не бессмыслица, что бы Уильям ни говорил. Но вслух ничего произносить не стала. Нельзя ему противоречить; это всегда плохо кончается.

И все же интересно, что это может быть. Пусть мне и нельзя об этом думать.

Остаток дня Уильям был занят делами и, кажется, почти не замечал, чем занималась Мэтти. И слава богу, ведь если он обращал внимание на ее работу, то непременно находил в ней изъян.

За ужином муж был мрачен и молчалив, глотал кроличье рагу и, казалось, не ощущал его вкуса. После смотрел на огонь в очаге, пока Мэтти штопала порванный рукав и носки и подшивала брюки.

Она уже начала надеяться, что он забудет о ее ежедневном долге, задумается и позволит ей просто лечь спать. Но стоило ей отложить иголку и размять затекшие пальцы, как Уильям встрепенулся.

Устремившиеся на нее глаза-льдинки поймали ее в капкан, как беспомощного кролика.

– Мужчине нужны сыновья, Мэтти.

Она молча встала и направилась в спальню.

Через несколько часов Мэтти проснулась с песней на устах – с той, которую никак не могла возродить в памяти. «*Как песнь голубки...*» – припомнилось ей, но остальное стерлось, снова ускользнуло.

Рядом храпел Уильям. Храп мужа, наверно, ее и разбудил – так часто бывало, хотя она никогда не жаловалась. Мэтти медленно встала с кровати, чтобы не потревожить его резким движением.

Закрыв за собой дверь спальни, она вышла в столовую. Там было холодно, как в морозилке. Мэтти не накинула халат поверх ночной рубашки, поэтому взяла покрывало и завернулась в него, как в шаль; дыхание вырывалось изо рта клубочками пара.

Она уже не чувствовала себя усталой, хоть и знала, что должна поспать. Утром ее ждала работа, и, если она не выспится и будет неповоротливой, Уильям заметит, и тогда...

«И тогда случится то же, что и всегда», – подумала Мэтти, и слезы обожгли глаза.

Когда-то, будучи моложе, Мэтти спросила, почему он бьет ее столь часто и столь сильно. За такую дерзость муж снова ее ударил и объяснил, что долг мужчины и мужа – приучать жену к порядку, и он делает это, чтобы она научилась послушанию, как положено жене.

Потом он дал ей Библию и велел читать вслух из Послания к ефесянам.

Мэтти читала, хотя во рту ее была кровь, щека распухла, а из правого глаза струились слезы. «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как

и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее».

Уильям забрал у нее Библию и встал перед ней на колени; ласково накрыл ее маленькую головку своими большими ладонями.

– Господь желает, чтобы ты повиновалась мне. Я не хочу обижать тебя, Мэтти, мне нет в этом радости. Если бы ты меня слушала и хорошо выполняла свои обязанности, мне бы и не пришлось. Понимаешь?

Она кивнула, хотя вовсе не понимала и считала, что Уильяму следует немного поразмыслить и над наставлением «мужья, любите своих жен».

Он поцеловал ее в лоб и продолжил:

– Из всех девушек мира я выбрал тебя и сделал своей невестой. Ты моя особенная.

Дни рождения Уильям не праздновал, и на горé все дни были похожи друг на друга, но Мэтти пыталась считать года. По ее подсчетам, сейчас ей было около двадцати лет, может, чуть больше. Уильям был старше, но так оно и полагалось; зрелые мужчины брали в жены юных девушек, чтобы наставлять их и учить уму-разуму.

Мэтти подошла к окну с видом на поленницу и сарай. Под подоконником стоял длинный узкий стол, где она готовила еду и выполняла другие задания Уильяма. Здесь она снимала шкурку с кроликов и разделявала их, тревожно приглядывая за мужем, пока тот рубил дрова.

На конце стола у Мэтти стоял кувшин с водой и чашка. Вода подернулась тонкой коркой льда. Она разбила корку ручкой ложки и налила себе немного. Вода была ледяной; у нее перехватило дыхание.

Невидящим взглядом Мэтти всматривалась в тени за окном. Что случится, если она надеет ботинки, откроет дверь и убежит в ночь? Уильям и не узнает. В последнее время он спал так крепко, что заметил бы ее исчезновение лишь через несколько часов. Она уже добралась бы до города.

В какой стороне город, Мэтти не знала, но не сомневалась, что найдет его. Он должен быть внизу, у подножья горы; когда Уильям уходил в город, то всегда возвращался в тот же день.

Но... мысли Мэтти остановились, минутная надежда завяла, не успев расцвести. Городские... они же знают ее мужа. Они отправят ее обратно.

Уильям твердил, что, если она вздумает убежать, ее вернут к нему, ведь жена – собственность мужа, а городские знали, кому Мэтти принадлежит.

Кроме того, удрученно подумала она, нельзя бежать в ночной рубашке и покрывале. Замерзнешь и умрешь.

Из леса снова послышалось рычание медведя, который вовсе медведем не был; зверь был не совсем рядом, но все же достаточно близко, и Мэтти невольно отпрянула от окна.

А если не замерзнешь, тебя сожрет этот зверь.

Это точно был не медведь. Медведи издавали иные звуки. Но ей было почти безразлично, кто это. Она не видела зверя ни разу, но не сомневалась, что это опасный хищник.

Мэтти знала, что надо возвращаться в постель, что иногда Уильям просыпается среди ночи и тянется к ее стороне кровати. И если жены там не окажется, ее ждет кара.

Но ноги отказывались шевелиться. Так она и стояла у окна, пока над верхушками деревьев не забрезжил розовый рассвет.

Глава вторая

После завтрака Уильям сказал:

– Пойду сегодня в лес, попробую выследить того медведя.

Удивление Мэтти, должно быть, отобразилось на ее лице, и Уильям сделал нечто ему совсем несвойственное – он принялся объяснять:

– Боюсь, как бы он не подошел близко к хижине. В сарае мясо, а если медведь убьет всю дичь в округе, куда как легче будет воровать мясо из сарая, чем спускаться с горы и искать добычу там. Медведи и раньше забирались в сарай, сама знаешь.

Мэтти кивнула. Однажды два бурых медведя, а может, один и тот же, но дважды, вломились в сарай, просто сумев нажать на дверную ручку, и наелись до отвала их запасами.

Когда это случилось впервые, Мэтти была в хижине одна. Уильям ушел в город. Она беспомощно стояла у окна и не могла ничего поделаться, ведь Уильям отказался учить ее стрелять из винтовки. Медведь несколько часов громыхал в сарае, а Мэтти оставалось лишь слушать. Потом он распахнул дверь и побрел в лес.

В тот раз им повезло: стоял конец весны и в сарае осталось не так уж много мяса. За зиму они почти все съели, а летний сезон охоты еще не начался.

Повезло и самой Мэтти: Уильям обвинил в случившемся не ее, а себя. А это бывало так редко, что она запомнила этот момент навсегда.

– Надо было поставить другую ручку. Знал же, что медведи умеют открывать двери. Теперь и окно надо закрыть ставнями.

Мэтти не стала спрашивать, откуда ему известно, что медведи умеют открывать двери, поверила ему на слово. Медведь, проникший в сарай, именно это и сделал – одной лапой нажал на ручку, механизм щелкнул, и дверь распахнулась.

Через пару дней медведь вернулся, а Уильям еще не успел заменить ручку. Впрочем, в этот раз он оказался дома, и в скором времени зверь сам занял почетное место на стене сарая.

После этого Уильям заколотил окно и законопатил все дыры в стенах.

– Наверняка он заглянул в окно и увидел мясо, свисающее с крюков. Медведи – умные твари.

Он заменил ручку круглой – не каждый медведь смог бы ее повернуть – и поставил дополнительный замок.

С тех пор с медведями у них проблем не было, но сейчас Уильям явно тревожился. Меж его бровей залегла морщинка, которая появлялась, лишь когда его что-то сильно беспокоило.

Мэтти боялась заговорить: когда она критиковала Уильяма или ему *казалось*, что она его критикует, он всегда очень расстраивался. Но сегодня муж был в несвойственном для себя настроении, и она решилась.

– Ты же говорил, что из винтовки такого зверя не снимешь, – пролепетала она.

– Не снимешь, – согласился он.

Тогда-то Мэтти и поняла, что Уильям действительно встревожен; он никогда не позволял ей самостоятельно рассуждать, всегда поправлял ее.

– Убивать я его, может, и не стану, по крайней мере сегодня. Но я хотел бы его увидеть, а может, проследить за ним до берлоги. Холодает, он наверняка выбрал место для зимовки, пусть и не проводит там все дни. Нам известно, что зверь большой; не так уж много мест, где он может перезимовать. Но я хочу понять, насколько он большой. Дичь он всю здесь поел, это ясно как божий день.

– Да, – ответила Мэтти и добавила: – Пожалуйста, будь осторожен.

Ведь это должны говорить жены мужьям, когда те отправляются в лес, где их может поджидать опасность? Хотя она по-прежнему не понимала, что должна чувствовать, если с Уильямом произойдет что-то плохое.

Она отчасти желала этого (*ты же знаешь, что это грех – желать своему мужу плохого*), но в то же время беспокоилась, что случится с ней, если он умрет. Муж так много скрывал от нее, что она сомневалась, сможет ли выжить без него.

– Ты пойдешь со мной, – вдруг сказал он.

– Я? Но зачем?

Мэтти думала, муж велит ей остаться в хижине и заняться обычными домашними делами. Так было всегда, когда он уходил охотиться.

Уильям пристально на нее посмотрел, словно пытаясь решить, отвечать ли ей. Наконец он произнес:

– Мне не мешает лишняя пара глаз, а кроме тебя, у меня никого нет. Был бы сын...

Он многозначительно помолчал. Мэтти зарделась от стыда, как полагалось, и ощутила под сердцем знакомую дыру. Горе подкралось незаметно и стиснуло ей грудь.

Она пыталась выполнить супружеский долг, но не могла выносить ребенка до полного срока. Дважды ребенок вытек с кровью; после второго раза Уильям страшно ее избил, пылая от ярости и обвиняя ее в том, что она прибегла к ведьмовству, чтобы избавиться от детей. После этого левая рука у нее так толком и не зажила. Она ныла в холода, а когда Мэтти вытягивала руки, то видела узловатую шишку на левом предплечье, где кость срослась криво.

Третий ребенок родился раньше срока, так рано, что, когда выскользнул из ее чрева, там толком и ребенка-то не было. Мэтти покачала его, хотя он не плакал и тельце его похолодело прежде, чем она успела дать ему имя. Тогда она впервые видела слезы Уильяма.

– Прости, – сказала Мэтти, поскольку знала, что всему виной ее ущербное тело, и к тому же, когда она извинялась, у мужа всегда улучшалось настроение.

Даже если бы наш сын выжил, он был бы еще маленьким и не смог бы пойти с тобой на охоту. Он был бы таким маленьким, что не дотянулся бы до завязок моего фартука, и что бы ты тогда стал делать, Уильям? Не было бы у тебя лишней пары глаз, потому что мне пришлось бы сидеть дома с ребенком.

Мэтти встала и быстро убрала со стола, потому что негоже было дерзить мужу даже мысленно; он как-то угадывал, когда дерзость, которую он пытался в ней искоренить, вновь давала о себе знать. Он видел это по глазам.

– Заканчивай с посудой после завтрака и надевай брюки, – скомандовал Уильям. – В юбке бегать неудобно, да и шуршит она.

У Мэтти имелись только одни брюки, и носила она их редко: муж считал их неприличной одеждой для женщины. Несмотря на это, он признавал, что порой в них есть необходимость, особенно когда нуждался в помощи с тяжелой работой.

В брюках двигаться было намного легче, чем в тяжелой шерстяной юбке и двух нижних юбках. Ноги словно легчали, шаг становился свободнее. Казалось, вот-вот, и Мэтти взлетит.

(Или сбежит...)

Склонившись над раковиной, она мыла посуду, не глядя на Уильяма. Тот бы заметил, что Мэтти думает о побеге, пусть даже мысль эта была мимолетной и на самом деле она имела в виду совсем другое.

(Хотя ты имела в виду именно это.)

Задавить дерзкие мысли, задушить! Негоже хорошей жене об этом думать, а Уильям не уставал напоминать, что ее главная задача – быть хорошей женой.

Вскоре они выдвинулись в лес. В этот раз пошли вниз, а не вверх. Уильям сказал, что чуть выше хижины есть небольшая поляна, а на краю ее – отвесный утес, и в нем несколько пещер.

– Пару раз видел, как оттуда выходили гризли, – объяснил он. – Такой большой медведь не станет рыть себе берлогу. Он будет искать готовое жилище. Но ты все равно смотри в оба, мышка Мэтти. Мало ли где он залег.

Мэтти не понимала, с чего Уильям так заикнулся на этом звере. Якобы из-за мяса, что висело в сарае, но ей казалось, причина в другом. Не нравились ей и обходные пути, которыми он пытался найти хищника. Почему они не вернулись туда, где вчера нашли следы, почему не начали оттуда? Все это было так не похоже на Уильяма, всегда руководствовавшегося в своих поступках порядком и логикой.

«Он чего-то боится, – подумала она, шагая позади мужа. – Боится, но не из-за того, что этот зверь может залезть в сарай и съесть припасы, нет; причина в другом».

Мэтти уставилась в затылок Уильяма, пытаясь понять, что же его напугало. Ключ к разгадке крылся в словах, которые он произнес вчера, но она никак не могла вспомнить, что именно вызвало ее подозрение.

Как бы то ни было, она ведь пошла с ним, чтобы служить лишней парой глаз, и если все время так и будет смотреть ему в затылок и думать о вчерашнем дне, то ничего вокруг не увидит.

Сегодня лес казался приветливее, чем вчера; деревья не обступали со всех сторон, как молчаливые стражи. Солнце вышло из-за облачной завесы, и снег заблестел яркой бриллиантовой белизной. В кронах деревьев порхали птицы, щебеча друг другу о своем. С ветвей или из-под кустов на них смотрели белки и бурундуки, привыкшие терпеть людей, неуклюже ломившихся через лес.

Мэтти сомневалась, что зверь поблизости (в какой-то момент она перестала думать о нем как о медведе и почему-то была уверена – это не медведь, что бы ни говорил Уильям). Лес ощущался другим, не таким, как вчера, когда в нем бродил зверь. Вчера она почуяла неладное, как только вышла проверять капканы. И вовсе не из-за лисы; Мэтти с самого начала поняла: что-то не так – хоть и не распознала тогда это чувство.

Уильям шел молча и останавливался, лишь чтобы осмотреть следы, которые для Мэтти ничего не значили. Сломанные веточки, взрыхленный снег, кусок потрескавшейся коры. Едва ли эти следы оставил зверь. То, что они видели вчера, выглядело намного красноречивее.

Мэтти ощущала растущее раздражение Уильяма и уже пожалела, что он взял ее с собой. Не найдет следов зверя и свалит все на нее, скажет, мол, она виновата.

Примерно через час они дошли до поляны. Та была раза в четыре больше поляны, где стояла их хижина. Должно быть, летом она превращалась в цветущее покрывало из ромашек, колокольчиков, гайлардий и люпинов. Мэтти представила, как они покачивают головками на теплом ветру. Уильям научил ее названиям всех цветов; от него она узнала, как находить съедобные растения и ягоды.

Перед глазами пронеслось воспоминание: Уильям, наклонившись, показывает ей цветок водосбора. В воспоминании Мэтти совсем маленькая. Она видит свою руку, протянутую к цветку, – это ручка ребенка.

Сейчас поляна казалась побуревшей; лепестки высохли, и ветер их унес. Над поляной возвышался утес. Наверху в скале виднелось несколько пещер.

– Если он здесь, то должен быть наверху, – сказал Уильям.

Мэтти оглядела утес. Тот был почти отвесным, щебень в нескольких местах осыпался. Подъем выглядел опасным, и она не понимала, зачем подвергать себя такому риску, ведь ничто не указывало на то, что эту поляну недавно пересекал кто-то крупнее мыши. Если медведи и приходили сюда зимовать, было глупо и даже чревато бродить тут и разнюхивать. Разве Уильям этого не понимает?

– Если здесь зимуют медведи... – начала было Мэтти, но муж ее прервал:

– Думаешь, я не знаю, что они могут быть тут? Мы их не разбудим. Просто поищем у входа в пещеры, вдруг найдем следы вроде тех, что видели вчера. – Он сжал кулак, но не занес его. – Не указывай мне, что делать, Марта. Не отходи от меня ни на шаг и веди себя тихо.

Не отходи от меня ни на шаг и веди себя тихо.

В голове зазвенело – тьма, грубая рука, зажавшая ей рот. Шепот. «Не отходи от меня ни на шаг и веди себя тихо».

Уильям заметил, что Мэтти не идет за ним, повернулся, и мускул на скуле задергался. Она поспешила за мужем, прежде чем тот успел что-то сказать или как-то иначе напомнить, что дал ей приказ и она должна подчиняться.

Он легко взбирался вверх по склону. Мэтти с трудом за ним попевала. Она редко поднималась в гору с тех пор, как Уильям велел ей не отходить от хижины. У первой пещеры муж остановился и осмотрел землю. Мэтти потеряла заболевший бок; она тяжело дышала.

– Тише, – предупредил Уильям. – Пыхтишь, как кузнечные мехи.

Мэтти кивнула и попыталась дышать не так шумно.

– Может, мне здесь побыть, а ты ступай дальше? Мне очень тяжело, Уильям.

Она старалась не ныть; его это всегда раздражало.

– Ты пойдешь со мной, – сквозь зубы процедил муж. – Не отставай.

Он подошел ко входу в следующую пещеру, не проверив, следует ли жена за ним. Куда ж она денется.

Почему он так себя ведет, почему настаивает, чтобы я шла за ним? В другой раз оставил бы меня, даже не подумав, если бы я его тормозила. Зачем задерживаться, ждать, пока я его нагоню?

Когда Мэтти только начала жить с Уильямом, он тоже таким был – настаивал, чтобы она ни на шаг от него не отходила. Но это было давно.

Тогда он боялся, что я убегу, если он выпустит меня из виду. Неужели снова испугался? И все из-за зверя.

Мэтти не понимала, почему эти мысли лезут ей в голову. Что-то она упустила. Она лишь знала: со вчерашнего дня что-то изменилось, и это связано с появлением рядом с их домом нового хищника.

Но ей не следовало об этом думать. Не следовало пытаться понять, почему у мужа такое настроение, а не другое, ведь у нее никогда не получалось расшифровать правильно, и Уильям всегда говорил, что из них двоих думать должен он, а не она.

Второй вход в пещеру зиял намного выше по склону, чем первый, и, когда они вскарабкались туда, у Мэтти закружилась голова. Ее даже немного затошнило.

Уильям присел на корточки, взгляделся в участки голой земли между камнями. Мэтти глубоко дышала, пытаясь успокоить мечущееся сердце.

Она почуяла запах гнили – густую, влажную вонь разложения, – и кровь отхлынула от лица. Холодный пот покатился по вискам; Мэтти зажала нос и отвернулась. «*Не дай бог стошнит, не дай бог стошнит*», – повторяла она про себя, но было уже поздно; она и так чувствовала тошноту, а запах оказался последней каплей.

Пошатываясь, она отошла в сторону на несколько метров от Уильяма – тот всегда с отвращением смотрел, как ее рвет. Кажется, он считал, что, если бы жена умела лучше себя контролировать, ее бы не тошнило.

– Я же велел не отходить... – начал было он, но услышал звуки рвоты. Она оставила завтрак за камнем. – Мерзость.

Когда все кончилось, Мэтти прижалась щекой к холодному камню. Хотелось пить. В горле пылал огонь, во рту ощущался кислый привкус.

Тут Уильям схватил ее за воротник, поднял и протащил; она царапнула пятками по земле. Пальто было застегнуто на все пуговицы и врезалось в горло; воротник душил ее, она начала задыхаться. Муж грубо швырнул Мэтти на землю в метре от себя; она упала на спину.

Он сел сверху, уперся коленями ей в бока, не давая пошевелиться. Схватил ее за грудки, приподнял, затряс.

– Ты беременна, Марта?носишь моего сына и не сказала мне? – Его лицо побагровело, рот злобно оскалился, слюна брызгала ей в лицо. – Не думай, будто сможешь что-то от меня утаить! Не думай, будто твое колдовство опять поможет ребенку выйти с кровью!

– Нет, – отвечала Мэтти голосом тонким, как нить. Она не могла дышать, не могла думать, не могла толком говорить. – Нет, я бы не стала.

Муж давил ей на живот, и все ее внутренности словно бились о грудную клетку.

– Я не стала бы... не осмелилась... это все запах...

– Какой еще запах? – Уильям снова встряхнул ее, да так, что у нее застучали зубы.

– Не могу, – она стала царапать его руки, – не могу...

Дышать. Я дышать не могу.

Муж резко отпустил ее пальто, и голова шмякнулась оземь. Острый камень вонзился в затылок, и что-то теплое потекло по волосам. Звезды вспыхнули перед глазами, на миг затмив фигуру Уильяма.

– Объяснись, – сказал он голосом, напомнившим Мэтти замерзшие реки и остроконечные сосульки.

Она попыталась вздохнуть глубоко, но муж придавил ей ребра. Однако Мэтти должна была объяснить; если этого не сделать, его ярость обрушится на нее с ужасной силой.

– Я... плохо... себя... почувствовала... после подъема в гору, – выдавила она. – Потом... учуяла запах из пещеры. Запах гнили.

Уильям прищурился.

– А я ничего не почувствовал.

– Я... иди посмотри еще раз.

– Так ты не скрываешь от меня беременность?

Мэтти покачала головой, и от этого перед глазами снова заплескали звезды.

– Я... никогда не стала бы.

Наклонившись к ней, он перестал так сильно давить на грудь, но пахнул в лицо своим горячим дыханием, и желудок ее снова скрутило. Мэтти взмолилась Господу, чтобы ее снова не стошнило, потому что, если ее вырвет на мужа, он на ней места живого не оставит.

– Надеюсь, ты не врешь. Сама знаешь, что бывает с лгуньями.

Холодная тьма. Звук захлопывающейся крышки. Кулаки, опухшие от отчаянного битья о доски.

– Ящик, – прошептала она. – Я не лгу. Никогда не стала бы лгать.

Муж, кажется, увидел в ее лице то, что хотел, и быстро слез с нее. Мэтти еще полежала. По затылку стекала кровь; она надеялась, что рана не слишком глубокая. В открытую рану может попасть инфекция, а когда Мэтти болела и Уильяму приходилось за ней ухаживать, он раздражался.

– Вставай, – велел муж.

Она встала медленно, потому что мир кружился перед глазами и по-прежнему было трудно дышать. Уильям равнодушно смотрел на нее и даже не пытался помочь.

«*Он не дорожит тобой. Не любит тебя,* – подумала Мэтти, но следом возникла та же мысль, что и всегда: – *Куда я пойду? Куда денусь?»*

Она зависела от него во всем.

Как только Мэтти встала, Уильям подтолкнул ее к зияющему входу в пещеру. Почти сразу их захлестнула волна зловония. Мэтти отвернулась, закрыла рот и нос шарфом. Даже Уильям, обычно такой хладнокровный, подавился желчью.

Услышав, как он давится, Мэтти не сдержалась и тихонько улыбнулась с удовлетворением, а поскольку рот ее был закрыт шарфом, она не скрывала улыбки. Уильям все равно никогда не узнает.

Он тоже закрыл шарфом рот и нос, зашел в пещеру, сделал несколько шагов, и глубокий сумрак тут же поглотил его.

– Похоже, это тайник, – пробормотал он. – Но медведи обычно не устраивают его в берлоге или там, где не могут закопать еду.

– Если это тайник, может, лучше убраться отсюда? – спросила Мэтти.

Сама она внутрь заходить не хотела; там было темно и пахло мертвечиной. Колени подкашивались, она еле стояла ровно, а перед глазами до сих пор плыло. Все размывалось, потом прояснялось и подпрыгивало вверх-вниз, потом снова размывалось, и снова, и снова...

– Если бы медведь был здесь, мы бы уже узнали. Он бы бросился на нас, как только тебя начало рвать. Зря я, что ли, шел в такую даль? Явно не для того, чтобы повернуть обратно лишь потому, что тебе не хватило силенок подняться в гору.

Он достал из кармана две свечи и протянул их жене. Зажег их длинной деревянной спичкой.

– Не отходи ни на шаг и освещай мне дорогу. Я не могу держать винтовку и свечу.

Мэтти кивнула. Раз Уильям решил войти в пещеру, спорить с ним не имело смысла, даже если это была самая дурацкая затея, что когда-либо приходила ему в голову. Страх застрял в горле, как кусок, который она никак не могла проглотить.

Зря они идут в эту пещеру. Пусть медведя (*или не медведя*) там нет, он может вернуться в любой момент. И когда он вернется, они окажутся в ловушке, зверь перекроет им путь к отступлению.

Они вошли. Мэтти шагала в ногу с Уильямом. Горячий оплавленный воск капал на варежки, но те были толстыми и плотно прилегали к рукам, чтобы холод не пробрался внутрь. Воск застывал мгновенно, не обжигая кожу.

Через несколько шагов запахло гораздо хуже. Коридор резко свернул и сузился; потолок стал ниже. Мэтти и Уильям все еще могли идти рядом, но им уже было тесно.

– Вот, – сказал Уильям и указал на землю впереди. Сунул винтовку под мышку, взял у жены одну свечу и присел на корточки, разглядывая что-то внизу. – Видишь?

Мэтти подошла ближе и прищурилась. В трепещущем пламени свечи она разглядела два следа, такие же, как вчера; они виднелись рядом на расстоянии примерно шага.

– Ему здесь пришлось наклоняться, – заметила Мэтти.

– Так и знал, что это здесь, – торжествуя произнес Уильям. – Так и знал! Теперь я убью его прежде, чем кто-то явится за ним.

– Явится? – удивилась Мэтти. – Зачем?

– Такой большой зверь наверняка привлечет охотников за трофеями и всяких... типов, – мрачно проговорил муж. Он не стал объяснять, что это за «всякие типы». – Достаточно одному дураку увидеть большого зверя на горе, и они набегут сюда, как муравьи. Станут топтать наш лес и убивать нашу дичь, стучаться нам в дверь, задавать idiotские вопросы и просить воду и еду. Но я могу этого не допустить...

Тут он, кажется, понял, с кем говорит и что говорит. Встал, сунул свечу Мэтти в руку и сказал:

– Идем.

– Но зачем идти в глубину? – выпалила она не подумав.

И отшатнулась, когда Уильям повернулся к ней.

– Затем, что я так сказал. Не перечь, а то сама знаешь, что будет.

В его голосе слышалась холодная ярость. Он двинулся вперед, а Мэтти направилась следом, поскольку знала, что будет, если не пойти за ним.

Он злится, потому что слишком много пришлось объяснять. Злится, потому что теперь я знаю: на самом деле он боится людей. Звери в лесу не пугают его так сильно; ему все равно, что может сделать зверь. Он не хочет, чтобы люди пришли и нашли нас.

(Нет. Не нас. Меня. Он не хочет, чтобы нашли меня.)

Мэтти не успела додумать эту мысль: вонь, к которой она уже успела привыкнуть, вдруг стала невыносимой. Потом ее ботинок наткнулся на что-то круглое и скользкое, она полетела вперед и приземлилась на локти. Свеча выпала из рук и укатилась; и без того слабый источник света погас.

– Тупая корова, – прошипел Уильям.

Мэтти слышала, как он роется в карманах в поисках свечи и спичек.

Тьма обступила ее со всех сторон, сдавила грудь, и дышать стало невозможно. Она упала на что-то: на какую-то грудку предметов, торчавших из земли под разными углами и брэнчавших, как бусины на веревке.

Кости. Слово испуганным светлячком пронеслось перед глазами. Мэтти отползла назад, вытирая руки об пальто, чтобы удостовериться, что на них ничего не осталось.

Уильям зажег спичку, и на миг она отчетливо увидела его лицо. Потом зажегся фитиль. Муж поднял свечу высоко, и Мэтти отпрянула, увидев, что скрывала тьма.

Они очутились в большом зале, где потолок был на пару метров выше, чем в коридоре. Вдоль стен высились пирамиды из костей. При виде них Мэтти хотелось броситься наутек, но она не осмелилась. Уильям со свечой подошел ближе и пробормотал:

– Господи боже, что это?

Тогда она заметила, что кости рассортированы: черепа лежали в одном месте, ребра – в другом, берцовые кости в третьем и так далее. Останки принадлежали разным животным, крупным и мелким; Мэтти узнала оленя, лося и пуму, но также бурундука, белку, лисицу и койота.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал Уильям.

Его голос дрожал, чего Мэтти за ним прежде никогда не замечала. Интересно, заметил ли он сам. Вид костей словно загипнотизировал его.

– Животные так себя не ведут. Медведь бы ни за что так не сделал. Но если это не медведь, то кто?

Мэтти тихонько пятилась, отходя как можно ближе к коридору. Ей хотелось побежать по нему и затем вниз со скалы; вернуться в хижину, где тоже было страшно, но этот страх был ей знаком и понятен. Здесь же, в пещере, страх оказался новым, неведомым. Что за животное будет хранить кости жертв и раскладывать их по кучкам?

– Уильям, давай уйдем. Пока он не вернулся.

Муж не обратил на нее внимания и стал ходить по пещере и рассматривать пирамиды из костей. А когда дошел до дальнего угла, голова его потрясенно дернулась.

– Вот откуда такая вонь. Глянь.

Мэтти смотреть не хотела. Она хотела уйти из пещеры, а не заходить в нее глубже, но Уильям приказал, а она не могла не повиноваться.

Мэтти медленно двинулась вперед, шаркая ногами, с замершим от страха сердцем. *Надо уходить, надо бежать из этого ужасного места; это противоестественно, это ненормально, этот зверь в любой момент вернется и нас убьет, и наши черепа и ребра будут лежать рядом с остальными.*

– Посмотри, – настойчиво произнес Уильям.

Подняв руку в варежке, Мэтти зажала шарфом рот и нос. Вонь была невыносимой. Она выглянула из-за спины Уильяма, а через миг ахнула и попятилась.

В углу оказались свалены внутренности – сердца и кишки разных размеров от разных животных и разной степени разложения.

– Не смей падать в обморок, – велел Уильям, когда Мэтти зашаталась и схватилась за его плечо для опоры.

– Я не могу дышать, – пролепетала она. – Прошу, Уильям, пожалуйста...

Он отвернулся. Состояние жены его явно не интересовало; его интересовала пещера.

– Пожалуйста, – прошептала Мэтти, а может, просто подумала, потому что муж никак не отреагировал.

Как он поступит, если я побегу? Если выйду на воздух, ко входу в пещеру, может быть, он не будет так сильно злиться, особенно когда поймет, что я не от него пытаюсь убежать, а просто хочу выйти из пещеры? Он же не слишком разозлится?

Нет, он разозлится, да еще как. Мэтти знала это.

И все же ей не терпелось скорее и как можно дальше убраться от гниющей кучи внутренностей и зловещих пирамид костей, даже если для этого пришлось бы выйти из круга света, отбрасываемого свечой Уильяма. Мэтти осторожно попятилась и так подошла к началу коридора. Тьма поглотила ее, крепко сдавила грудь.

– Прошу, прошу, – еле слышно шептала она. – Пожалуйста, давай уйдем из этой ужасной пещеры, давай просто уйдем.

А потом она услышала рычание. Странное рычание, такое же, как они слышали вчера в лесу, – яростный рев, совсем не похожий на медвежий.

Глава третья

Зверь рычал где-то вдалеке, даже не на утесе и уж точно не у входа в пещеру, но что ему стоило быстро сюда добраться? Мэтти не сомневалась: много времени это не займет.

Он явится домой с добычей и обнаружит их в своей пещере, как медведи нашли Златовласку в кровати медвежонка, вот только им с мужем не сбежать, как Златовласке. Они попали в западню.

А ведь именно этого Мэтти и боялась.

Уильям продолжал осматривать пещеру, водил свечой взад-вперед, поглощенный своим занятием. Он явно не слышал рычания зверя.

А ведь я могла бы взять кость и разбить ему голову. Могла бы бросить его здесь, а зверь нашел бы его и разорвал в клочки, а потом разложил бы косточки по кучкам.

Рычание раздалось снова, вроде бы ближе, хотя Мэтти не могла сказать наверняка, и она поняла, что даже если бы у нее хватило смелости сделать то, о чем она подумала, времени на это не осталось.

– Уильям, – позвала она, – он возвращается.

– Что? – Муж оглянулся, заморгал в тусклом свете пламени, словно вернулся мыслями издалека.

Мэтти это было знакомо.

– Я слышала рев, – сказала она. – Там, в лесу. Зверь идет сюда.

– Это мой шанс. – Уильям пересек зал несколькими широкими шагами, вручил ей свечу и произнес: – Стой сзади. Будешь путаться под ногами, пуля попадет в тебя.

Он оттолкнул ее в сторону и поспешил к выходу, не дожидаясь жену. Мэтти пошла за ним, боясь того, как может выглядеть зверь, боясь, что он бросится на них с раскрытой пастью, готовый их сожрать.

И сожрет же. С этой маленькой винтовкой Уильяму ни за что не одолеть чудище, способное так страшно рычать.

Они почти вышли из пещеры, и рев раздался снова, протяжный и яростный. Он разнесся по поляне, дрожащим эхом отразился от скалистого утеса, и Мэтти не понимала, далеко зверь или близко. Он мог в любой момент показаться из-за деревьев внизу.

Снаружи Уильям быстро оглядел местность и нашел валун, за которым можно было укрыться и следить за деревьями.

– Задуй свечу, дура, – прошипел он. – Думаешь, он не учует пламя?

«*Думаешь, он не учует нас?*» – мелькнуло в голове у Мэтти, но свечу она задула и села рядом с ним на корточки.

Внизу затрещали ветки. Что-то громадное ломилось сквозь деревья.

«*Или сквозь кроны*», – подумала Мэтти. Вчера зверь, вполне вероятно, вскарабкался наверх и исчез среди ветвей, хотя Уильям в это не поверил.

Шум стоял оглушительный, но из-за эха было сложно определить его источник.

– Интересно, какого же он размера, – пробормотал Уильям, проверяя винтовку.

«*Мне все равно*, – подумала Мэтти. – *Я хочу домой*».

Но при мысли о доме она увидела не голую двухкомнатную хижину, где прожила последние лет двенадцать. А место, являвшееся ей во снах, хотя Уильям говорил, что его не существует.

«*Хезер*», – подумала она. Они держатся за руки, кружатся по ковру и смеются под музыку. Женщина протяжно поет: «*Как песнь белокрылой голубки...*»¹

¹ Слова из песни Стиви Никс Edge of Seventeen. – Здесь и далее прим. ред.

Вдруг Мэтти услышала, как Уильям задержал дыхание, и ощутила исходящее от него напряжение. И поняла, что все вокруг затихло, совсем как вчера сразу после того, как они нашли большую лужу крови.

Улетели птицы.

Все птички и зверушки застыли и спрятались, и мы тоже. Хотела бы и я улететь, как птичка, а не сидеть, скрючившись за валуном, словно испуганный мышонок, ждущий удара кошачьей лапы.

Палец Уильяма лег на курок. Мэтти прислушалась изо всех сил. Ей показалось, она услышала приближение чего-то – кого-то, – но этот кто-то или что-то был гораздо меньше зверя. Кто-то как будто осторожно подбирался к ним по тропе, стараясь не производить ни звука.

Тогда Мэтти услышала чириканье воробьев и прошептала:

– Он ушел. Зве... медведь ушел. А там, внизу, кто-то другой.

– Тихо, – шепнул Уильям.

Через миг из-за деревьев вышел человек.

Мэтти уставилась на него, а Уильям тихо чертыхнулся. На миг замер и словно принял решение. Потом еле слышно произнес:

– Не говори с ним. Ни слова не говори, или потом будет худо.

Он вскинул винтовку на плечо, встал и начал спускаться по склону навстречу чужаку, хотя тот пока их не замечал. Человек замер посреди поляны, присел и поднес к лицу какую-то маленькую черную коробочку.

Та показалась Мэтти знакомой, но откуда? Слово вертелось на языке.

Фотоаппарат. Он фотографирует.

Она вспомнила, что и у нее был фотоаппарат – старый, мамин. Надо было нажать на кнопку, и выезжала готовая фотография; не нужно было относить снимки в лабораторию для проявки и печати.

Она вспомнила, как они с Хезер стояли рядом, кричали «Сыр!» и корчили глупые рожицы, а мать щелкала фотоаппаратом.

Потом она прикрепил эти фотографии к стене спальни, при этом развесила нарочно криво, чтобы получилось похоже на коллаж.

Они приблизились к чужаку. Желудок Мэтти снова скрутило, тошнота подкатила к горлу. Она много лет не видела людей, только Уильяма, и отчасти страшилась встречи. Разговаривать с незнакомцами было строго запрещено. Так говорила мать; так говорил и Уильям.

Ей стало не по себе и при виде одежды чужака, совершенно не похожей на ее собственную. Но и та показалась ей знакомой – отзвуком призрачного воспоминания, что не давало ей покоя со вчерашнего дня.

Пальто на нем было ярким, с цветными вставками – голубой и оранжевой, – и сделанным из очень блестящего материала. «*Ветровка, – вспомнила она. – И у меня такая была, только красная. А у Хезер – ярко-розовая, как ягода малины.*»

Еще на нем были серые брюки со множеством карманов и коричневые кожаные ботинки со шнурками темно-зеленого цвета. Он нес рюкзак, по виду очень тяжелый; рюкзак был такого же ярко-оранжевого цвета, что и вставка на ветровке, с привязанным к нему матрасом (нет: *спальным мешком*). Когда они подошли совсем близко, Мэтти увидела, что перчатки чужака были без пальцев, а верхняя их часть откинута и пристегнута пуговкой.

Каждая деталь его облика всколыхнула в ней что-то: не то любопытство, не то воспоминание, не то неясную тоску. Она покосилась на Уильяма, надеясь, что тот не заметил этих чувств, отразившихся на ее лице; они бы его рассердили.

Мужчина, кажется, услышал их, опустил камеру (та висела на груди на ремешке), огляделся, встал и улыбнулся. Зубы у него были очень ровные и белые. В ответ на его улыбку Мэтти

смущенно сомкнула губы поплотнее. В нижнем ряду у нее не хватало одного зуба: попала инфекция, зуб воспалился, и Уильяму пришлось его вырвать.

Она вздрогнула, вспомнив, как муж пристегнул ее голову к спинке кровати кожаным ремнем, чтобы она не дергалась; вспомнила ужасный рывок, с которым зуб покинул десну, и хлещущие фонтаны крови. Из-за образовавшегося пустого места остальные ее зубы покривились, скособочились, как старые сломанные надгробия.

– Привет! – крикнул чужак и помахал рукой.

Мэтти захотелось помахать в ответ, но Уильям велел не говорить, а жесты тоже считались разговором, в этом она не сомневалась.

Уильям тоже не помахал и не ответил. Он подошел к незнакомцу, чья яркая одежда выделялась на фоне бурой поляны. Улыбка чужака задрожала и померкла, когда тот понял, что Уильям не настроен на дружелюбную беседу.

Мэтти еле попевала за мужем; ее по-прежнему тошнило, кружилась голова, но она могла предсказать, что выражало лицо Уильяма, взглянув на его напряженные плечи и походку. Его глаза сейчас наверняка превратились в ледышки, губы сжались, мускул на скуле мерно пульсировал, как часовая бомба.

Чужак чуть попятился, а Уильям остановился в метре от него. Мэтти встала слева от мужа, наполовину спрятавшись за его спиной. Незнакомец тревожно взглянул на винтовку, которую Уильям держал в руке.

– Что ты тут забыл? – рявкнул Уильям.

Карие глаза чужака гневно вспыхнули. Мэтти ждала, что он станет кричать на Уильяма и ответит на его агрессию тем же, но он лишь мягко и спокойно произнес:

– Это не частная собственность.

– Не частная, да, – ответил Уильям. – Но в это время года тут опасно, особенно если не знаешь горы. Погода может измениться в любой момент, лес кишит медведями, а они сейчас агрессивны.

Чужак улыбнулся краем губ, но не глазами.

– Спасибо за заботу, но я горы знаю. А как вас с дочерью сюда занесло, ведь уже не сезон?

Мужчина перевел взгляд на Мэтти, и та торопливо потупилась. Волосы у него были темные и кудрявые; они выбивались из-под вязаной шапочки. Она заметила это, прежде чем отвести взгляд.

А еще от Мэтти не укрылось, как закипает стоящий рядом Уильям; его гнев ощущался физически.

– Она мне не дочь. Это моя жена, – процедил он, стиснув зубы.

Если бы Уильям с ней говорил в таком тоне, она бы вся съежилась; за словами, произнесенными таким голосом, обычно следовал удар. Но этот странный незнакомец как будто не чувствовал опасности; когда Мэтти осмелилась снова посмотреть на него, он разглядывал ее с любопытством.

Тут он, видимо, впервые заметил, как они одеты, и спросил:

– Вы амиши?

– Нет, – ответил Уильям.

А Мэтти подумала: *«Ох, господин незнакомец, лучше бегите прочь, вы что, не видите, мой муж сейчас взорвется, а когда это произойдет, вам будет больно – так больно, как никогда еще не было».*

Чужак смотрел то на Уильяма, то на Мэтти, то снова на Уильяма, а потом скептическим тоном спросил:

– Жена, значит?

Ответа он дожидаться не стал и обратился к Мэтти напрямую:

– А мы с вами не встречались? У вас знакомое лицо.

Мэтти замерла, ведь Уильям настрого приказал не говорить с чужаком, но тот задал ей вопрос и не отвечать тоже было невежливо. Потом Уильям мог наказать ее за то, что она оказалась невежливой, но за то, что заговорила с чужаком, тоже можно было схлопотать. От нерешительности ее парализовало; челюсть не разжималась.

– Вы не встречались, – ответил Уильям и встал, загордив собой Мэтти. – Мы не отсюда.

Он, конечно, врал, нагло врал незнакомцу в лицо. Мэтти понимала: Уильям не хочет, чтобы тот думал, будто они живут на горе.

– Вы в какой школе учились? – не унимался чужак, стараясь заглянуть Уильяму за спину. – Ваше лицо...

– Ступайте лучше отсюда, и как можно скорее! – рявкнул Уильям и переложил винтовку из одной руки в другую. Мужчина, увидев это, замер. – Тут полно медведей.

– Медведей, значит, – повторил чужак бесцветным голосом.

Мэтти даже не пришлось смотреть на него, она и так поняла: Уильяму он не поверил.

– Пойдем, – сказал Уильям, взял ее за руку и потянул прочь.

По тому, с какой силой муж вцепился в руку, она поняла, что он взбешен.

– Не смей оглядываться, – прорычал Уильям. – И не искушай его своими уловками. Я знаю, что ты его вожделела. Ты шлюха, Марта, все бабы шлюхи.

Мэтти протестовать не стала, не сказала, что ничего такого о том мужчине не думала. Уильям все равно бы не поверил, что бы она ему ни говорила.

Он злится, потому что чужак решил, будто я его дочь, а не жена.

Она понимала: Уильям намного старше – точно не знала насколько, но как минимум двадцать лет разницы между ними было. Волосы его наполовину поседели, вокруг глаз залегли морщины.

А этот чужак – он молодой, как я. Примерно моего возраста. И спросил, не встречались ли мы.

Мэтти все же рискнула обернуться: хотелось еще раз увидеть лицо незнакомца. Но тот не смотрел на Мэтти и Уильяма. Он глядел на уступ в утесе, откуда они спустились прежде, чем к нему подойти.

«Только не ходи в пещеру, – взмолилась она. – Зверь тебя поймает».

Мэтти снова повернулась к мужу как раз вовремя – едва они дошли до леса и укрылись среди деревьев, Уильям грубо оттолкнул ее и повернулся к чужаку.

– Надо его пристрелить, – процедил он, поднял винтовку и упер приклад в плечо. – Будет знать, как тут разгуливать. Чужую территорию надо уважать. И нельзя так смотреть на тебя, на мою собственность.

– Не надо! – воскликнула Мэтти и схватила его за руку.

– Не хочешь, чтобы я пристрелил твоего любовничка? Убери руки, блудница Иезавель! Я имею право убить и его, и тебя! Ты принадлежишь мне, Марта. Я решаю, жить тебе или умереть. Ты всецело моя, и если другой мужчина решит, что его плуг будет вспахивать твои поля, клянусь Богом, он поплатится за неуважение.

Мэтти знала, что, когда они вернутся домой, Уильям будет бить ее, ведь незнакомец смотрел на нее, а она на него, и муж чувствует себя оскорбленным, к тому же он уже был зол и встревожен из-за зверя, а чужак оказался не в том месте не в то время. Уильям свалит на Мэтти все эти грехи, поскольку во всем виновата она – так было всегда. Боли не избежать. Она это знала.

И поскольку наказание было неизбежным, Мэтти осмелилась не подчиниться, осмелилась не убрать руку, оставить ее чуть выше его локтя. Она осмелилась произнести:

– Этот человек мне безразличен, Уильям, поверь. Я бы никогда и смотреть не стала ни на кого, кроме тебя...

– Лжешь, – выпалил он. – Ты как течная сука, все бабы такие.

– ...но если ты убьешь его, придут люди, много людей; они станут рыскать по горам и искать его, а тебе же это ни к чему, верно? Ты не хочешь, чтобы люди бродили по горам из-за этого большого медведя, ты сам так сказал, но, если этого человека хватятся, сюда явится еще больше людей, сюда придут...

Она не договорила – забыла нужные слова. Давным-давно она их знала, но сейчас не помнила.

– Поисковые отряды, – сказал Уильям.

– Да, поисковые отряды.

Как она могла забыть: *поисковые отряды*. Ей почему-то было важно помнить эти два слова, но почему – она забыла.

– Вот поэтому и нельзя его убивать. Сам он мне безразличен, Уильям, но ты же не хочешь, чтобы здесь рыскали поисковые отряды?

Мэтти не осмеливалась смотреть по сторонам и глядела только на Уильяма. Тот по-прежнему стоял, нацелив винтовку на чужака. Мэтти видела смерть в его глазах, желание спустить курок и отомстить за уязвленное мужское достоинство.

Мускул на его скуле дернулся. Потом Уильям резко опустил дуло к земле. Мэтти поспешно отпустила его руку и попятилась.

– Поисковые отряды, – повторил Уильям и взглянул на нее.

Ей показалось, будто на лице его что-то промелькнуло, что-то похожее на страх, но выражение быстро исчезло, и Мэтти решила, что ошиблась.

– Зря только протаскались. У нас много дел. Чем тратить время на этого медведя, что напугал тебя вчера, надо было охотиться и пополнять запасы на зиму.

Зверь вовсе не напугал Мэтти вчера, по крайней мере не сразу. Ей лишь показалось странным, что он прикончил лисицу, но не стал ее есть. Однако ей придется ответить за то, что муж сегодня зря потратил время, и она решила не напоминать ему, что утром он сам посчитал медведя угрозой. Именно поэтому сегодня они не занимались делами: Уильям так решил, не она. Мэтти также не стала напоминать ему о странном поведении зверя, о пещере, полной костей, и груды внутренностей. Ей хотелось пойти домой и обо всем забыть. Тошнота так и не прошла, и она мечтала прилечь.

Впрочем, муж не позволит ей отдыхать. Отдыхать можно было только после выполнения всех домашних дел. В том числе ежевечернего супружеского долга.

Уильям пошел прочь от поляны широкими шагами. Как всегда, он двигался вперед, не проверяя, следует ли за ним Мэтти. Он знал, что жена позади; куда она денется.

Мэтти снова оглянулась на чужака и увидела, что его уже нет на прежнем месте. Он карабкался к пещерам.

А вдруг он обнаружит кости и заинтересуется, что за зверь ведет себя так? Что, если толпы людей явятся на гору изучать этого зверя?

Если так случится, ярости Уильяма не будет предела. Хотя, возможно, кто-то из этих людей заберет Мэтти, если она попросит.

Уильям сказал, что ты принадлежишь ему и никто не сможет тебя забрать. Жена – собственность мужа.

Но что, если кто-то ее все же заберет? Кто-то с добрым лицом и добрыми глазами, как у того чужака, – что, если кто-то вроде него ей поможет? Что, если она сможет снова отыскать то место – место, где была Хезер?

Уильям сказал, что его не существует, что это сон, посланный дьяволом для искушения.

Она посмотрела мужу в спину, на его куртку и седые волосы, которые он коротко стриг; на большие грубые руки, которыми размахивал во время ходьбы. В одной руке он сжимал винтовку, и Мэтти вдруг осенило.

Он не научил меня стрелять, потому что не хотел, чтобы я в него выстрелила.

Конечно, Мэтти никогда бы так не поступила. Никогда бы не причинила зла собственному мужу. Или причинила бы? Вряд ли, она на такое не способна. И не хочет ему вредить. Она хочет лишь, чтобы он перестал вредить ей.

А что бы случилось, если бы она попросила незнакомца на поляне ее забрать?

Уильям бы их обоих пристрелил на месте, вот что.

Он намеревался избить ее, когда они придут домой. Избить сильно, так, как никогда не избивал, Мэтти это знала. Слишком он разозлился, и все, что злило его, он обставит как ее вину.

Она слышала его быстрое и жесткое дыхание и, не глядя на него, понимала, что муж припоминает все случившееся за сегодня и расставляет это в своей голове так, как ему нравится.

Мэтти посмотрела вверх, на деревья, чтобы не видеть спину Уильяма, его суровые плечи и напрягшиеся жилы на шее.

И замерла; во рту вдруг пересохло, и она затрясла головой, не в силах поверить своим глазам.

Наверху, почти на каждом дереве, висели трупы зверей. В основном мелких грызунов – бурундуков, белок, опоссумов и полевых мышей. Но были и трупы крупнее. Как минимум две лисы и даже рысь.

Трупы были аккуратно развешены вдоль тропы, по которой шли Мэтти с Уильямом, по одному-два зверя на каждом дереве. Их привязали к веткам за их же кишки.

«Как елочные игрушки», – подумала Мэтти и покачнулась; сквозь туман в голове пробило воспоминание.

Огромная рождественская елка в гостиной, слишком большая для такой маленькой комнаты; мигают разноцветные лампочки, наверху – серебряная звезда, а под елкой – гора подарков в красной и зеленой бумаге.

Рождество. Красные подарки для меня, зеленые – для Хезер. А вот и наши чулки с гостинцами: на одном написано «Хезер», на другом – «Саманта».

– Саманта, – прошептала она. – Не Марта. Саманта.

– Мэтти! – проревел Уильям.

Она взглянула на мужа, не видя его; перед глазами по-прежнему стоял размытый контур имени на рождественском чулке, и это было не то имя, которым он называл ее все эти годы.

– Мэтти! – снова проревел Уильям.

Она тряхнула головой, отгоняя воспоминания о чулке, елочных игрушках, девочке по имени Саманта. Муж ушел далеко вперед и теперь звал ее, чтобы она не отставала.

Тут Мэтти вспомнила зверей, маленьких кроликов и грызунов, что висели в ряд, как тропинка из хлебных крошек, ведущая к поляне.

– Уильям, – пролепетала она, еле в силах говорить, еле в силах произнести его имя. – Уильям.

Он двинулся в ее сторону, тяжело топая, и Мэтти знала, что должна бояться, ведь на его лице было написано: он не станет ждать до дома. Он хочет наказать ее сейчас.

Она судорожно сглотнула и указала вверх, попыталась объяснить, но муж уже навис над ней.

– Деревья, Уильям, – сказала Мэтти, но звук получился слишком тихим и шел будто издали, а слова высохли в горле, ведь часть ее еще стояла под елкой и смотрела на имя на рождественском чулке.

Потом на нее обрушились кулаки, и больше она уже ничего не помнила.

Глава четвертая

Мэтти очнулась оттого, что закашлялась, потом начала давиться и сразу поняла – рот полон крови; с ней уже такое бывало, и не раз. Голова ударялась о землю, в волосах был снег, он забился под шарф и пальто. Шапку она потеряла. Мэтти лежала на спине; безжалостная рука держала ее за лодыжку и дергала за собой, как санки за веревочку.

Уильям остановился, оглянулся и бросил на нее полный презрения взгляд. Отпустил ее ногу; та упала на землю. Мэтти вскрикнула.

– Вставай, никчемная сучка. Очнулась, так иди сама.

Мэтти посмотрела на него, затем взглянула на деревья. Трупиков животных не было. Должно быть, Уильям утащил ее с территории зверя.

А может, зверь просто не успел пометить все деревья. Может, он хочет оставить свой след на всех деревьях в лесу, всех до единого.

– Вставай, я сказал. – Муж пнул ее в ребра, и Мэтти перекадилась на бок. Все тело болело. – Через несколько часов солнце сядет, а я не собираюсь тащить тебя до самого дома.

Мэтти сплюнула в снег кровь. Та была ярко-красной, как полотнище матадора, как помада, как дорожный знак.

«Красный значит “стой”, – подумала она. – Красный значит “я так больше не могу”».

Но Мэтти все равно попыталась подняться на подгибающиеся ноги. Не вышло; она снова повалилась на снег.

Уильям схватил ее за грудки и поднял вверх, оторвав от земли; стопы болтались где-то на уровне его коленей. Его лицо было совсем рядом; оно уже не пылало яростью, на смену пламени пришел лед.

Мэтти предпочитала пламя. Лед всегда причинял больше боли.

– Слушай внимательно, Марта. Ты получила, что заслужила, а раз заслужила, то пойдешь домой сама, на своих ногах. Не будешь поспевать – я за тобой не вернусь. Если не доберешься до дома к закату, то, когда придешь, будет хуже. Ты – мой сосуд, я буду делать с тобой, что моей душе угодно. Тебе ясно? Шагай.

Он отпустил ее, и, конечно же, Мэтти не смогла устоять на ногах, так сильны были боль и смятение. Она опять упала.

Казалось, костей у нее больше не было, перед глазами все вертелось и кружилось. И тут она осознала, что один глаз у нее не видит.

Мэтти осторожно потрогала невидящий глаз, но нащупала лишь опухшую плоть, а коснувшись ее, испытала такую боль, что вскрикнула.

– Я сказал *шагай*, – процедил Уильям.

Мэтти посмотрела на него, вслепую оттолкнулась от земли, чтобы подняться, но лишь взрыхлила снег по обе стороны от тела. Слезы жалили глаза. Распухший невыносимо саднило.

– Не могу, – прошептала она. – Не могу встать. Помоги, пожалуйста. Пожалуйста.

Она протянула дрожащую руку.

Муж злобно сверлил ее взглядом, так долго, что Мэтти уж решила, он сжалится. Потом мужчина развернулся и ушел.

– погоди, – пролепетала Мэтти, но голос прозвучал так слабо, что Уильям не услышал. Как шорох ветерка.

Она коснулась шеи и заскулила, ощутив острую боль при легчайшем прикосновении. *«Наверно, он меня душил, – подумала Мэтти. – Ничего не помню».*

Уильям почти скрылся из виду. Он был уже далеко, коричневое пальто и брюки сливались с деревьями.

В груди зашевелилась паника.

Не бросай меня, не бросай меня, я не знаю дорогу домой.

Она никогда не уходила так далеко от хижины – Уильям не разрешал. Домик стоял ниже на склоне горы, больше Мэтти не знала ничего. Муж всегда шел первым и прокладывал тропу.

Ох, почему же она не смотрела по сторонам? Почему шла и витала в своих мыслях? В детстве она была другой. В детстве она жадно впитывала все вокруг и запоминала приметы, чтобы позже вспомнить.

(Они быстро шли по темному лесу, очень быстро, но она пообещала себе запомнить все, что видит. Запомнить, чтобы потом отыскать путь домой.)

Но где он, дом? Она не помнила главного.

Дом – место, где тебя звали Самантой.

«Саманта, – повторила Мэтти про себя. – Саманта».

Саманта боролась. Саманта отбивалась. Саманта убежала.

Да, она убежала от Уильяма, но он поймал ее и посадил в Ящик. В него сажали всех непослушных девочек.

– Не вернись домой в срок – опять посадит в Ящик, – пробормотала Мэтти.

Придется ей встать. Делать нечего.

Но как ты найдешь дорогу домой?

Сначала нужно встать. Просто встать. Потом идти. Там будет видно куда.

Но встать не получалось. Мэтти перекатывалась, отталкивалась от снега, барахталась, но не могла подняться. Через несколько минут она легла и отдышалась, не в силах пошевелиться. Она могла лишь смотреть в слишком яркое небо и на темные силуэты веток.

«Деревья, – вспомнила Мэтти. – Тушки животных на деревьях. Уильям их не видел».

(Ну и что, что не видел; Уильяму ничего не грозит, он будет сидеть в хижине у теплого очага, это ты останешься наедине с темнотой, с холодом и зверем, что развешивает трупы на ветках, как елочные игрушки.)

Зверь. Надо спастись, надо укрыться в доме, пока он ее не нашел. В ее состоянии за ней не надо будет даже гнаться. Зверь просто схватит ее, отнесет в пещеру, разорвет на кусочки и разложит их по кучкам, как ребенок – детали конструктора.

Вставай, Мэтти. Вставай, пока он тебя не нашел.

Она перекатилась на живот, приподнялась на локтях, уперлась ими в снег и протаскала себя вперед. Ноги волочились сзади.

Мэтти ползла медленно. Тело словно существовало отдельно от мозга и не реагировало на его приказы. Через каждые четверть метра она останавливалась, часто и тяжело дыша. Сердце колотилось, и ей казалось, что оно может выпасть из груди и так и остаться лежать на снегу – как жертва лесному зверю.

Она долго ползла и наконец приблизилась к какому-то дереву и ухватилась за его ствол. Мэтти вцепилась в него обеими руками, оттолкнулась и очень медленно встала на колени. Прижалась к коре щекой. Руки дрожали.

– Не останавливайся, Мэтти. Не останавливайся.

Каким-то чудом она смогла поставить на землю одну стопу, потом другую, а потом, крепко держась за дерево, наконец выпрямилась и встала на ноги.

Следующее дерево было не так уж далеко. Мэтти разомкнула руки, оперлась о ствол обеими ладонями, оттолкнулась, и инерция понесла ее вперед, к следующему дереву.

Мэтти поднялась. Она могла идти, не совсем самостоятельно, конечно, но могла. Теперь осталось найти дорогу домой.

Через секунду она рассмеялась, но резко осеклась, потому что от смеха заболело горло и он прозвучал как скрипучий лай, отозвавшись странным эхом в глубокой лесной тиши. Не придется ей искать дорогу: следы Уильяма виднелись на снегу.

Мэтти встревоженно посмотрела на небо. Толк от следов есть, пока светло. Уильям сказал, что до заката осталась пара часов. Сколько уже времени прошло, она не знала.

Чем больше ты медлишь, тем меньше минут дневного света у тебя останется.

Мэтти оттолкнулась от следующего дерева точь-в-точь как от первого, но очередной ствол оказался дальше, и она не дотянулась до него, а схватилась за торчащие нижние ветки и чудом удержала равновесие.

Так Мэтти переходила от дерева к дереву, не спуская глаз со следов Уильяма на снегу. Вскоре она поняла, что разглядеть тропу становится сложнее. Тени удлиннились. Солнце клонилось к закату.

В груди росла тревога. Ей нечем было осветить путь. Свечи и спички остались у мужа.

Впервые с тех пор, как Мэтти пришла в себя, она хорошенько осмотрелась. Не увидела ни одной знакомой приметы. Кругом деревья, скалы да снег; где же хижина? Далеко ли?

Скрутило желудок. Она давно не ела, несколько часов. Во рту и в горле пересохло.

Мэтти умела находить съедобные ягоды в лесу, но ягоды давно отошли. Она крепко схватилась за дерево одной рукой и осторожно присела на корточки. Осмотрела снег – нет ли на нем звериного помета – и, увидев, что он чистый, зачерпнула большую пригоршню и сунула в рот.

Снег обжег больное горло. Через секунду висок и левый глаз пронзила острая боль.

«Мозги замерзли!» – услышала она голос Хезер. – У меня мозги замерзли!»

Мэтти увидела ее как наяву; она размахивала рожком мороженого, держась свободной рукой за голову.

«Мозги замерзли», – подумала Мэтти и прижала язык к нёбу. Мать однажды объяснила, что именно так можно прекратить боль, если проглотила слишком большой кусок мороженого.

«Мама», – подумала она, но не вспомнила ни лица, ни голоса. Лишь смутный образ человека, которого она когда-то знала; тень, которую Мэтти называла мамой.

Снег не утолил голод и не избавил от головокружения, но боль в горле немного смягчилась.

А вот как быть со сгущающимися сумерками, Мэтти не знала. Уильям никогда не разрешал ей носить с собой спички. Даже дома ей позволялось зажигать их лишь в его присутствии, а костер без спичек она развести не могла.

А тот человек? Чужак, оставшийся у входа в пещеры. Если попросить его, может, он тебе поможет?

Но если Мэтти обратится за помощью к незнакомцу, Уильям рассердится. Рассердится сильнее, чем до этого.

Вспомни, как он рассердился лишь потому, что чужак сам с тобой заговорил.

Впрочем, какая разница. Тот человек остался далеко позади.

Но если бы он был здесь... Мэтти была бы рада. Рада оказаться не одна в подкрадывающейся темноте – голодной, избитой, измученной. Глаза у незнакомца были добрые. Мэтти знала, что он не причинит ей зла.

Ну что за сказки для маленьких девочек, Мэтти. Хезер всегда любила такие сказки – про принцев, спасающих девишек из высоких башен, про ведьм, проклятия и стеклянные гробы. В жизни такого не бывает.

В жизни ты больше никогда не увидишь этого человека и никто не придет спасти тебя из башни.

(Или из хижины.)

Мэтти снова оттолкнулась и приникла к следующему дереву. Следы Уильяма на снегу было уже почти невозможно различить. Разве солнце может сесть так быстро? А если она не вернется домой ко времени, когда Уильям захочет лечь спать?

«Мужчине нужны сыновья, Мэтти».

Ее долг – родить мужу сыновей, а ей это пока не удалось.

Если она не вернется домой, когда велено, отправится ли муж ее искать? Или оставит в лесу во тьме и холоде и найдет другой сосуд, который выносит его детей?

«Я вложил в тебя так много времени, Марта. Надеюсь, ты ценишь мои труды, мои усилия, которыми я обеспечил тебе хорошую жизнь».

– Да, – сказала Мэтти вслух, переступая от дерева к дереву и цепляясь за стволы и ветки, как за обломки корабля в океане. – Да, понимаю, как тебе тяжело.

Уильяму приходилось так много работать и так часто поучать ее. Она совсем не умела слушать. Забывала, что нельзя его критиковать. Забывала быть благодарной.

– Я буду тебе хорошей женой, обещаю, – проскулила Мэтти.

Она страшно устала и проголодалась. Уже совсем стемнело. Пока Мэтти не стала жить на горе, она и не знала, что ночи бывают такими темными.

– Я буду хорошей, только приди и найди меня, не оставляй меня здесь одну, не оставляй.

Мэтти не различала дороги и не видела ничего, кроме размытых теней деревьев и движущихся теней на снегу.

Вокруг шевелилась ночь. Дул еле слышный ветерок, и плыл по небу серебристый месяц, шуршали ветки, и шныряли взад-вперед ночные звери, журчала вода.

Вода.

Поблизости была вода.

– Ручей, – прошептала Мэтти и бросила тело на звук.

Если она отыщет ручей, то найдет и путь домой. Их оленью тропу легко отыскать даже в темноте. Мэтти знала ее наизусть. Единственное место, куда ей разрешали ходить одной, потому что тропа эта была совсем рядом с хижинкой.

Она не слишком опоздает, и Уильям не станет сердиться. Солнце же совсем недавно село. Скоро, очень скоро Мэтти вернется в хижину, в теплое, безопасное место, где есть еда.

Там тепло, но небезопасно. Совсем небезопасно, а поешь ты, лишь если он разрешит. Ступай-ка лучше дальше, спустись с горы и беги, пока не найдешь Хезер и маму.

Мэтти остановилась, задумалась. Хватит ли ей смелости? Сможет ли она?

Сможешь. Оставаться здесь необязательно. Он же бросил тебя. Он бросил тебя умирать.

Мэтти не знала, кому принадлежит звучащий в мозгу голос, но явно не ей.

Может, это Саманта? Саманта, девочка, которую я когда-то знала. Саманта никогда не боялась. Пока не появился Уильям.

Впереди тихо журчал ручей. Мэтти отчетливо его слышала. Уже совсем близко.

Иди к ручью. Дойдешь до ручья, а там решишь.

Через некоторое время она очутилась на берегу и, пошатываясь, подошла к краю.

Здесь, вдали от темной завесы сосновых веток, света тонкого месяца Мэтти хватило, чтобы увидеть, что вышла она на противоположную сторону ручья, почти напротив оленьей тропы.

Это же знак? Знак Божий?

Уильям так бы и сказал. Сказал бы, что это знак и она должна вернуться к нему, где ей и место, а не убегать.

«Беги, – шепнула Саманта. – Беги, пока можешь».

– Но я не могу, – пробормотала Мэтти. – Не могу бежать. Я еле иду.

Она встала на колени – а точнее, упала на колени – у ручья, сняла варежку, зачерпнула воду рукой и напилась. Вода была такой холодной, что пальцы замерзли мгновенно, а жидкость не успокоила пересохшее горло, а обожгла.

Мэтти вытерла ладонь о штанину, надела варежку и посмотрела на воду, решая, в какую сторону пойти.

Можно перейти ручей, и оленья тропа выведет ее к хижине. Там ее место. Уильям твердил ей об этом каждый день с тех пор, как привел ее сюда.

А можно пойти по берегу ручья и спуститься с горы. Уильям много раз велел не делать этого: ручей вел к реке, а у реки могли встретиться чужие люди – люди, которые могли обидеть ее или забрать у него, из хижины, где ее место.

Ручей выведет к реке. А река уведет меня прочь от него.

Но Мэтти не могла заставить себя пошевелиться и принять решение. Она так устала. Она сидела неподвижно, и тело не желало слушаться, пока не отдохнет. Может, поспать здесь, на берегу ручья, а утром решить? Ее веки отяжелели.

Утром Уильям тебя найдет. Вставай, вставай; если бежать, то сейчас.

Что-то зашевелилось во тьме.

Мэтти услышала, как под громадными тяжелыми лапами хрустнул снег; раздались фырканы, треснули ветки.

Зверь. Он здесь. Он здесь. Он сожрет меня, и я никогда не увижу маму и Хезер.

Она очень медленно повернулась на шум, не желая привлечь внимание зверя. Ее укрывали тени на берегу ручья; слабый ветерок дул вверх по течению и уносил все звуки.

Зверь вышел из леса в нескольких шагах от того места, где она сидела на коленях в снегу, едва дыша и отчаянно надеясь, что ничем себя не выдаст.

Мэтти не видела его, лишь чувствовала, что он очень большой, даже больше, чем можно было бы предположить по величине следов. В темноте не получалось разглядеть его подробно, она могла только оценить его размер – огромный силуэт вырисовывался во мраке; сильное животное, чью мощь еле сдерживала кожная оболочка.

Зверь, кажется, ее не замечал.

Это потому что ветер дует в другую сторону. Сиди тихо и жди, пока он уйдет.

Зверь пошел к ручью на задних лапах. Двигался он тихо, что было странно, учитывая его величину. Он наклонился и стал пить из ручья, а Мэтти отвернулась; сердце бешено колотилось, билось о грудную клетку. Ей не хотелось привлечь внимания; вдруг он почувствует на себе ее взгляд? Хотелось слиться с окружающим пейзажем, стать камнем, деревом, пригорком, поросшим травой.

«Но кто же это все-таки? – спросил любопытный внутренний голос. – На медведя не похож».

Любопытный голосок явно не принадлежал Мэтти. Мэтти никогда не проявляла любопытства, а если проявляла, Уильям быстро это пресекал. Хорошей жене не пристало быть любопытной.

Она решила, что этот голос принадлежит Саманте. Это Саманта мутила воду. Саманта хотела узнать все про зверя. Саманта хотела, чтобы Мэтти убежала с горы.

Если Мэтти попытается бежать, зверь бросится за ней. В хижине намного безопаснее. С Уильямом безопаснее.

Зверь звучно прихлебывал воду из ручья, а когда замирал, тревога Мэтти усиливалась. Куда он пойдет потом? Удастся ли ей спастись, если она так и будет сидеть неподвижно на его пути? В таком состоянии ей вряд ли удастся улизнуть незаметно, даже если она двинется в противоположную сторону.

Даже если Мэтти решит вернуться в хижину, опасности не избежать. Стоит войти в ручей, и хищник тут же ее заметит.

Сиди тихо как мышка. Это у тебя хорошо получается. Ты всегда сидишь тихо, когда не хочешь, чтобы Уильям тебя заметил.

Да, она умела быть незаметной, прятаться, находясь на виду, утаивать мысли, чтобы никто их не разгадал, делать так, чтобы от нее оставалась лишь оболочка, а все важное было скрыто глубоко внутри.

Мэтти делала так, когда Уильям искал повод ее наказать или когда наказывал; когда лежала с ним в кровати и выполняла супружеский долг, а он кряхтел, взгрозившись на нее. В тот момент она брала часть своей души и убирала далеко-далеко, туда, где он не мог ее увидеть.

Может, если она сделает так сейчас, зверь не увидит ее? Не почувствует рядом теплую искру живого существа.

Вдруг зверь зарычал, коротко фыркнул несколько раз и начал рыть лапой землю.

Мэтти не знала, правильно ли поступает, но все же посмотрела в его сторону. Она должна была знать, заметил ли ее монстр, хочет ли напасть. Мэтти рискнула взглянуть. Лишь темный силуэт вырисовывался во мраке; кажется, зверь ложился на берегу.

«Неужели он укладывается спать, – встревоженно подумала Мэтти. – Нет, не может быть. Мне надо домой!»

(Нет, тебе надо бежать.)

Теперь неважно, чего она хочет или не хочет. Если зверь лег спать, Мэтти застрянет здесь, пока он не проснется и не уйдет.

Вдруг у нее заурчало в животе – звук был долгим, протяжным, и в ночной тиши прозвучал громко, как выстрел из ружья.

Зверь насторожился. Мэтти услышала, как он принюхался, а сама сжалась в комок, уткнулась лицом в колени, попыталась уменьшиться и стать невидимой.

Через некоторое время зверь закряхтел, снова начал рыть землю и устраиваться поудобнее.

Пожалуйста, уходи. Боже, если ты слышишь, сделай так, чтобы он ушел.

Но Бог никогда не слышал ее молитвы. Сколько раз Мэтти умоляла, чтобы муж прекратил ее мучить, но Бог никогда не слышал. И не помогал. Не наказывал Уильяма, а ведь мог бы.

Мэтти сидела, сжавшись в комок, дрожала, а дыхание зверя тем временем замедлилось и выровнялось – видимо, он глубоко уснул. Теперь ей ничего не оставалось. Надо было возвращаться в хижину. Пока зверь спит на берегу, пойти вниз по течению, откуда дует ветер, она не сможет. Даже если через час или два зверь проснется, ничего не получится. Если Мэтти хочет сбежать от Уильяма, нужно время, как можно больше времени. Нужно сделать так, чтобы муж не догнал ее, а она еле ходит.

Это знак: нельзя уходить от Уильяма.

Что это еще, если не знак? Почему, когда она впервые за долгие годы – столько лет, что она уже считать перестала, – задумалась о побеге, на ее пути возникли все возможные препятствия? Бог ненавидел ее. Иначе быть не могло. Должно быть, она действительно плохая, она грешница, как Уильям всегда и говорил, иначе ничего этого бы не случилось. Мэтти крепко зажмурилась, чтобы не заплакать, но затекший левый глаз пронзила резкая боль, и слезы все равно полились.

Она долго так сидела и беззвучно плакала, прислушиваясь к дыханию чудища, спавшего совсем рядом, так близко, что, если бы он проснулся и захотел убить ее, ему бы ничего не помешало.

Потом Мэтти уснула, хоть и не собиралась.

Вздрогнув, она проснулась, шумно выдохнула, правый глаз в панике распахнулся. Как можно было уснуть, когда опасность так близко?

Стояла глубокая ночь; Уильям наверняка рассердится.

Мэтти взглянула туда, где лежал зверь. Узкий месяц скрылся за облаками; звезд тоже не было видно. Над головой чернильным пологом раскинулось небо.

Мэтти прищурилась, пытаясь что-то рассмотреть во тьме, прислушалась изо всех сил. Она не улавливала ни дыхания зверя, ни движения. Не видела его силуэта на фоне теней.

Он ушел. Пока она спала, зверь ушел.

Мэтти разогнула затекшие конечности, вытянула ноги, расправила руки. Болели все мышцы, возобновившийся кровоток после долгого пребывания в одной позе лишь усилил боль, а синяки заныли еще больше. Она коснулась левого глаза; тот по-прежнему был весь опухший, ничего не изменилось. Ее припорошило тонким слоем снега; снег не проник сквозь толстую шерстяную одежду, а вот холод проник: она промерзла до костей.

Мэтти не знала, сможет ли встать, но должна была хотя бы попытаться. Нельзя же вечно сидеть на берегу ручья и ждать, пока Уильям или зверь ее найдут.

Она долго возилась в снегу, пыхтела и шаталась на нетвердых ногах, но наконец встала, хотя тут же покачнулась – кровь отхлынула от головы. Мэтти так проголодалась, что была готова съесть что угодно; даже сосновые иголки выглядели аппетитными. Мэтти несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, восстановила равновесие. Голодная слабость не прошла, но голова кружилась уже меньше; видимо, силы немного восстановились после сна.

«Долго ли я спала?» – в панике подумала женщина. Раз она чувствовала себя настолько лучше, значит, пробыла в отключке довольно долго – возможно, слишком долго.

Мэтти сделала осторожный шаг, проверяя, достаточно ли хорошо держит равновесие. Один глаз у нее не видел, и идти было трудно. Тело кренилось на правую сторону, как корабль с брешью в корпусе.

«Тихонько, тихонько», – повторяла Мэтти про себя. Надо бы перейти ручей, а она плохо видит и не сможет разглядеть сухие камни; впрочем, ей и проворства не хватит, чтобы по камням перебраться на противоположный берег.

Ничего не оставалось. Придется идти вброд и надеяться, что ручей неглубокий и промокнут только ботинки.

Войдя в воду, Мэтти поморщилась. Тишина во сто крат усиливала все звуки, и еле слышный плеск вполне мог привлечь внимание зверя, которого она всеми силами пыталась избежать. Зверь мог быть еще рядом. Возможно, он проснулся всего за минуту до нее.

Ледяная вода залилась в ботинки; толстые шерстяные носки вмиг промокли. Обычно Мэтти особенно не старалась, когда вязала носки себе, не то что Уильяму; вязать она ненавидела. Так что носок был связан рыхло, вода проникала сквозь дыры и обжигала холодом голую кожу. Когда Мэтти добралась до противоположного берега, она вся дрожала и не чувствовала ног. Держаться вертикально по-прежнему удавалось с трудом. Колени дрожали с каждым шагом; она шла не как взрослая женщина, а как ребенок, учащийся ходить.

Мэтти вскарабкалась по берегу ручья, опираясь на руки и барахтаясь в снегу. Ей казалось, что подъем занимает очень много времени, но наконец она взобралась на холм. Она стояла на том берегу, где была оленья тропа, ведущая к дому.

К дому. Только не к моему дому. К дому Уильяма.

Мэтти ковыляла вперед, с трудом отрывая ноги от земли. Ей как будто две тяжеленные глыбы льда привязали к лодыжкам. Под деревьями, где луна еще пряталась в облаках и ветки нависали над тропой, словно руки великана, тьма была совсем непроглядной.

Эти руки могут схватить меня и забрать, забрать далеко отсюда.

Мэтти была на грани истерики – усталость, страх и боль опустошили ее, и она не могла рационально думать.

Весь этот бред про Саманту – это фантазия, сон. Нет никакой Саманты. Есть только Марта.

Левый глаз пульсировал от боли. Шумело в ушах, и сквозь этот шум она слышала хруст снега под ногами и свое тяжелое дыхание.

Где-то рядом треснула ветка; звук громом прогремел в ночной тиши.

Мэтти остановилась, прислушалась, закусил губу, чтобы дышать потише.

«*Он там*», – подумала она, и ни малейшего сомнения у нее не возникло; никакой это был не олень, никакая не белка. Это именно он. С каждым испуганным биением сердца Мэтти понимала, что это зверь.

Она вгляделась в просветы между деревьями, пытаясь различить другой силуэт, помимо высоких узких стволов, но одним глазом толком ничего не видела.

Может, он стоит совсем рядом со мной, а я не знаю. Увижу его, только когда повернусь.

Несколько секунд Мэтти не шевелилась. Однако вокруг было тихо, и она осторожно шагнула вперед, стараясь не шуметь. Она слышала каждый шорох, даже шелест своей длинной косы, трущейся о шерстяное пальто, даже скрип кожаных ботинок – и громкие грубые выдохи.

Но нет. Так дышала не она.

Глава пятая

Мэтти снова остановилась; от ужаса онемели губы и язык. В этот раз она услышала и шорох когтей по снегу, раздавшийся через долю секунды после того, как она остановилась.

Он идет за мной.

В груди расцвел страх. Пот покатился по вискам.

Он идет за мной. Играет со мной.

Мэтти не сомневалась, что такой огромный зверь может убить ее одним небрежным ударом. Ему даже не пришлось бы за ней охотиться.

Вот только, похоже, он хочет сначала меня напугать.

Но разве животное может так рассуждать? Животные вообще не рассуждают.

Лишь люди получают удовлетворение от чужого страха. Но не глупы, Мэтти. Зверь просто осторожничает; так поступают все хищники – следят за добычей, прежде чем нанести удар. Ты должна убежать, прежде чем он нападет.

Но как? Мэтти не знала, далеко ли еще до хижины. Путь до ручья и капканов обычно занимал около получаса туда и обратно, но сейчас она идет намного медленнее обычного. Хижина не может быть слишком далеко отсюда, но сможет ли Мэтти добраться до нее вовремя? И позволит ли зверь ей уйти?

Просто иди вперед. Иди вперед, попробуй. Если зверь нападет, ты сможешь... что? Что ты сможешь сделать против такого великана? Ты даже Уильяма остановить не в силах.

Из груди чуть не вырвался безумный смех: так смеются лишь те, кто дошел до полного отчаяния.

Если он нападет, остановить его ты не сможешь.

(Но я не хочу умирать.)

Эта мысль немного укрепила ее уверенность; было приятно понимать: несмотря ни на что, она все еще не хочет сдаваться и умирать. Она жаждала жить, пусть жизнь и причиняла ей столько боли, пусть Бог и давно ее покинул.

И Мэтти пошла дальше. Она знала, что зверь близко, слышала тихий шорох его шагов. Он тщательно подстраивался под ее шаг.

Звери так себя не ведут. Это неестественно.

Он был слева, со стороны невидящего глаза. Повернув голову, Мэтти бы заметила его силуэт правым глазом, но ей не надо было видеть его, чтобы знать, что он там. Она чувствовала его, ощущала колебания воздуха между ними, тяжесть его взгляда. Он пристально наблюдал.

Мэтти обуял такой ужас, что она не чувствовала тела. Руки и ноги казались одновременно очень тяжелыми и легкими, как воздух; она шевелилась как в замедленной съемке, не в силах стряхнуть с себя оцепенение. Голова пульсировала от боли, особенно левый глаз, рот наполнялся слюной, и Мэтти раз за разом судорожно сглатывала. И все это время тень двигалась рядом в такт; тень со зловонной шерстью и запахом крови из пасти.

Кровь на снегу; трупники, свисающие с веток. Зачем он все это делает? Почему сразу не съедает добычу, как положено зверю? Зачем следует за мной? Хочет ли съесть или добавить меня к своей коллекции?

Вдруг атмосфера изменилась; зверь по-прежнему не спускал с нее глаз, но иначе. Она почувствовала это, как приближение грозы в солнечный день. Ее сердце забилось быстрее обыкновенного: маленький кролик, стремящийся убежать, спрятаться глубоко в оболочке тела.

Ему надоело играть. Сейчас он нападет.

Мэтти сжала кулаки, хоть и не знала, что с ними делать, и не представляла, как бороться с этим зверем и есть ли у нее вообще шанс. Ее маленькие жалкие ручки казались слабыми и ничемными.

Ты и есть никчемная. Уильям всегда так говорит.

И тут облака сместились, и показался тонкий месяц. Мэтти увидела впереди конец тропы. Конец тропы, их поляну и хижину.

– Уильям, – пробормотала она и ощутила небывалый прилив сил – Мэтти и не знала, что силы у нее еще остались.

Она бросилась бежать.

У Уильяма было ружье. Он мог застрелить зверя. Все равно муж собирался это сделать – за этим они и пошли в этот дурацкий изнурительный поход. Теперь Мэтти привела ужас к ним на порог. Уильяму всего-то оставалось выйти за дверь и застрелить зверя; тогда ей не придется больше бояться, не придется ночевать в лесу, дрожа от страха.

Ее резкие движения, должно быть, застигли зверя врасплох; она не слышала, чтобы ее кто-то преследовал, когда, ковыляя и спотыкаясь, бежала к хижине.

Свет в окнах не горел; впрочем, с чего ему гореть, ночь ведь, и Уильям крепко спит. Сначала Мэтти казалось, что дверь далеко, потом та резко приблизилась, словно произошел скачок во времени и пространстве.

«Еще чуть-чуть, – подумала Мэтти. – Еще чуть-чуть».

Зверь не последовал за ней. Она почуяла, как он колеблется, как оценивает потенциальную угрозу. Он фыркал и рыл лапой землю, как уже делал до того, как лечь спать, но теперь спать явно не собирался. Скорее решал, нападать или нет.

Внезапно прямо перед носом Мэтти оказалась дверь хижины, хотя она не помнила, как преодолела последний отрезок пути. С радостью и облегчением она схватилась за дверную ручку, повернула ее, толкнула дверь. Та задребезжала, поддалась и наткнулась на преграду – задвижку с противоположной стороны.

Уильям запер дверь.

– Уильям! – захрипела Мэтти и заколотила в дверь кулаком, но крики ее были тихими, слабыми – как и удары кулаков.

Слишком сильно муж сжал ее горло, когда душил; она не могла закричать, хотя и очень хотела.

– Уильям! – снова прохрипела Мэтти и застучала в дверь обеими руками.

Задвижка дребезжала, но дверь не поддавалась.

Со всей оставшейся силой Мэтти ударилась телом о дверь, выкрикивая имя мужа и все время думая: да как он мог? Как мог запереть дверь и бросить ее здесь?

Спал Уильям крепко и, возможно, не слышал, как Мэтти стучит, но она должна была его разбудить. Если не разбудит, придется ей всю ночь провести на поляне, а зверь рано или поздно выйдет из-за деревьев. Он не будет терпеть вечно.

А когда выйдет, разорвет ее, разберет по косточкам и подвесит на дереве вдоль тропы, ведущей в его пещеру. Утром Уильям найдет лишь алое пятно на снегу.

Как вокруг той лисицы, вот только почему зверь лисицу не забрал? Почему?

И почему она думает об этой лисице, когда ей самой грозит смертельная опасность?

– Уильям, – еще раз позвала Мэтти. – Прошу, проснись. Прости меня. Пожалуйста, прости! Впусти меня!

Ей показалось, что в хижине кто-то шевельнулся: скрипнула половица, зашуршала ткань.

– Пожалуйста, Уильям! Я буду хорошей, обещаю, я все сделаю, что ты скажешь, простопусти меня! Тут чудище, этот зверь, он пришел за мной. Прошу, прошу,пусти меня в дом!

Мэтти пыталась царапать дверь руками в vareжках; колени подкосились, она упала вниз.

– Пожалуйста, – прошептала она. – Пожалуйста, пожалуйста.

Снова скрипнула половица. Мэтти вдруг отчетливо поняла, что Уильям стоит по ту сторону двери, что он не спит.

Да он и не ложился вовсе. Сидел там в темноте, ждал меня, ждал, чтобы наказать, когда я вернусь домой. Даже если вернусь под утро.

– Уильям, – пролепетала она, но не могла больше кричать и даже пытаться кричать. Она даже не поняла, произнесла ли его имя вслух.

Скрип раздался снова. Муж решал, заслужила ли она просидеть под дверью всю ночь за то, что опоздала.

Я умру. Все, что я сделала, чтобы добраться сюда, было бессмысленно, ведь Уильям дверь не откроет.

Мэтти знала это с той же определенностью, как знала, что солнце встает по утрам. Он решил проучить ее и наверняка не поверил, когда она сказала, что за ней гонится зверь.

Муж не собирался впускать ее в хижину. Лучше бы ей сэкономить силы и перестать молотить в дверь. Нужно найти куда спрятаться. Но куда?

В сарай она тоже не войдет: Уильям его запирает, а ключ вешал на специальное кольцо, которое Мэтти строго запрещал трогать. Оставался уличный туалет; впрочем, убежищем назвать его можно было с натяжкой. Его строили совсем не так основательно, как хижину и сарай, ведь это было всего лишь место для того, чтобы, как Уильям с нехарактерной для него грубостью заявил, «не срать там же, где ешь».

Туалет, конечно, не разваливался на части, но все же Мэтти не чувствовала бы себя в безопасности, спрятавшись там. К тому же спасти жизнь в уличном туалете было попросту позорно.

Зверь заревел, и Мэтти впервые услышала этот звук вблизи. Он был таким странным, словно несколько зверей вскричали одновременно; от близости зверя и на открытой местности звук казался еще страшнее.

Мэтти больше не могла ждать Уильяма.

Он все равно меня не впустит. Ему важнее себе доказать, что он прав на мой счет. Если я здесь умру, он решит, будто это правильно, будто меня Бог покарал.

Она вцепилась в дверной косяк и поднялась. В лесу вокруг хижины затрещали ветки. Кое-как ковыляя, Мэтти обошла хижину, миновала маленький садик, могилу своего ребенка и дошла до края поляны, где стоял туалет. Дверь в туалете всегда громко хлопала, и Мэтти постаралась закрыть ее за собой как можно тише, поморщившись, когда скрипнули петли.

В туалете не было замка или задвижки, не было ничего, чтобы унять ее тревогу, хотя такой большой зверь мог бы запросто сорвать дверь с петель. Мэтти спросила себя, зачем вообще старается спрятаться; что ж, видимо, ей просто хотелось еще пожить и умереть она была пока не готова.

В туалете пахло не так ужасно, как летом, но все же неприятно. Мэтти подумала, что запах из туалета может замаскировать ее собственный и тогда зверь не сможет ее найти, хотя на самом деле не верила, что его удастся одурачить. Зверь этот был необычным.

Какая убогая смерть – в туалете. Мэтти зажала рот рукой в варежке, стараясь не смеяться. Почему ей смешно, когда ее жизни грозит опасность?

Потому что тебе страшно, так страшно, что ты на грани истерики.

Потом она услышала зверя снаружи; тот пыхтел, отфыркивался, и его огромная туша медленно двигалась к ее укрытию.

Мэтти отошла от двери, но в крошечном туалете даже пятиться было некуда. Уильям закрыл дыру деревянной крышкой («мы же не животные, Мэтти»), и она очень тихо села на нее и попыталась не издавать ни звука.

Зверь снаружи принюхивался. Он подошел очень близко, и Мэтти понадеялась, что сейчас Уильям вдруг выбежит из дома с винтовкой. Но, разумеется, она не услышала, как открывается и закрывается входная дверь, и звук выстрела не прорезал ночную тишину.

Мэтти была здесь одна, одна дрожала в туалете, потому что муж отказался пускать ее в дом, а чудище рыскало снаружи.

Между некоторыми досками были маленькие отверстия. Мэтти могла бы выглянуть наружу и посмотреть, что делает зверь, но она боялась пошевелиться, боялась, что чудище почувствует на себе ее взгляд и нападет.

Неважно. Зверь все равно знает, где ты. Он умён, он шел за тобой следом, таился. У него есть план, а какой – тебе не понять, даже не надейся.

Зверь снова взревел протяжно и громко. Он стоял за самой дверью, явно собираясь напасть. Мэтти зажмурила правый глаз и приготовилась к удару, как делала всегда.

Но ничего не произошло. Через несколько страшных минут она открыла глаз. Тень чудища больше не мелькала в просветах между досок. Неужели зверь ушел? Но почему? Он шел за ней всю дорогу, он точно знал, где она прячется. Почему не напал, хотя она была в его власти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.